

АННА ПЕТРОВНА БУНИНА

Сельские вечера

В Санктпетербурге : в Морской типографии
1811

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

СЕЛѢСКІЕ ВЕЧЕРА.

А Н Н Ы Б у н и н о й .

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Морской Типографіи 1811 года.

Печашашъ позволяешся

сѣ тѣмѣ, что бы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 1811 года, Мая 10 дня.

*Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и
Кавалеръ Ив. Тимковскій.*

ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ

БУНИНУ.

Тебя! прудолубивый поселянинъ, мирный сосѣдъ, кропкій помѣщикъ, усердный сынъ опещесва и добрый брапъ желаю увеселишь я симъ незвучнымъ повѣспвованіемъ были и небылицъ. Вечера швои не принадлежапъ роскоши: въ каждомъ изъ нихъ оспанешся опъ прудовъ и домашнихъ попеченій по нѣскольку минушь, копорья можешь пы посвяпишь швоей повѣспвовапельницѣ; а шумная шолпа праздныхъ не прибѣжишь заглушашъ робкаго и дрожащаго ея гласа. Позволь, да поселишся сладостное очарованіе въ моей душѣ! Да предспавлю я себя подъ мирною швоею кровлею,

посреди любезнаго мнѣ швоего
семейства радостно сидящею!
Да прочту на свѣпломъ челѣ
швоемъ непришворное себѣ одо-
бреніе; усугублю имъ невинную
мою радость, и вознагражусь
хотя нѣсколько за скорбь долго-
временной съ шобою разлуки!

СЕЛЬСКІЕ ВЕЧЕРА.

Вечеръ въ М-р-Ѡ-й хижинѣ.

О коль незапная перемѣна! Кто могъ ожидать, что тихіе сумерки сего яснаго дня дхнушь бурею и веселая прогулка наша будеть угрожаема свирѣпостію непогоды! Холодный вѣтръ нещадно рѣжетъ намъ лице; октябрскій желтый листь сыплеться лучею съ нагнурыхъ къ землѣ деревъ; юный, едва упавшій снѣгъ взвѣвается къ небесамъ; ошвсюду слышны свисты

и завыванія Борея. Укроемся отъ грозныхъ преслѣдованій его въ сію ближнюю хижину. Роскошь изобрѣла для охраненія изнѣженныхъ чадъ своихъ удобно передвигаемые дома: они спасуть и насъ отъ незапнаго нашествія неукротимой сей вьюги. Пустъ сильный, укрѣпленный работою сынъ природы сходишь за ними въ близкое опсуда наше жилище, и позволишь намъ вкусишь сладость покоя подъ мирною, хошя и убогою своею кровлею.

Вошь уже мы и не спрашимся усилія свирѣпствующихъ вѣтровъ Сей случай по сходству времени напоминаеть мнѣ давно прошекшее, знаменное происшествіе. Подобная буря, крушящійся сполпами первый снѣгъ и спускающіяся на землю сумерки способствовали нѣкогда великой, но упавшей республикѣ возсташь отъ своего паденія. Вы любопытствуете знашь далѣ. Какъ! ужели не угадываете о чемъ я вамъ говорю?—Пустъ шакъ! я удовлетворю любопытству вашему,

дабы ожиданіе кареть и распилающійся опъ зажженной лучины дымъ были менѣ для васъ ошущительны.

Храбрый, великодушный Пелопидъ съ одиннадцатью знаменитыхъ, споль же храбрыхъ Фивскихъ гражданъ, шекли на спасеніе порабощеннаго Спаршою своего опечества * Грубая одежда поселянъ прикрывала воинственную ихъ грудь и ушаивала смѣлый, величественный замысль великихъ мужей. Въ рукахъ ихъ были охотничьи ору-

* Предваряю почтенныхъ читателей. Всѣмъ извѣспныя произшесствія Пелопида и друга его Эпаминонда я осмѣлилась умножить вымышленными: нѣкоторыя изъ бывшихъ сближала, въ нѣкоторыхъ перемѣняла имена дѣйствующихъ лицъ, нѣкоторыя совсѣмъ выпускала, дабы подвести повѣствованіе свое подъ законы шрехъ драматическихъ единствъ. Ищущія истинну пускай вопрошаютъ о ней Плутарха, Греческую исторію и прочія хранилища древнихъ сокровищъ.

жія, за плечами изловленная дичина, а у ногъ рѣзвящіеся гончіе псы. Сильный сѣверный вѣпръ и воздымающаяся отъ всюду вьюга держали градскихъ жителей какъ бы въ осадѣ. Никто безъ крайней нужды не смѣлъ оставить своего дома и показаться на улицѣ. Безтрепетные путешественники наши, неся въ сердцахъ одинакую любовь къ опечесству, одинакое мужество и одинакое отъ незаконной власти отвращеніе, вступающъ въ Фивы различными путями, скрывая, какъ будто отъ непогоды лица свои низко надвинутыми шапками и увертывая ихъ спущенными рукавами одеждъ. Но что принудило первѣйшихъ сыновъ республики принять на себя столь мало достойный ихъ образъ? Взойдемъ къ источникамъ.

Во времена Спаршанскаго Царя Агезилая, когда законодательный Римъ былъ извѣстенъ однимъ только ближайшимъ своимъ сосѣдямъ и шрепеталь дикихъ Галловъ, просвѣщенные

Θивы, поликоже были знаменишы храбростію своихъ полководцевъ, какъ изящностію художествъ, зрѣлостію философіи и краснорѣчіемъ орашоровъ. Прелестъ власшвованія и любовь къ злапу заразили сердца нѣкошорыхъ правителей сего мощнаго города, и раздѣлили его на двѣ прошивныя спороны. Одна желала удержашъ права республики, вознося славу и крѣпость ея внушреннею силою; другая сѣя несогласіе въ народѣ, склонномъ вездѣ и во всякое время къ мяшежамъ, силлилась во время часпыхъ замѣшательспвъ захвашишь верховную власшь. Пелопидъ и другъ его Эпаминондъ были подпорою первой; а Леоншидъ главою другой.

Пелопидъ принадлежалъ къ знашнѣйшему Θивскому дому и былъ единспвеннымъ наслѣдникомъ несмѣшпныхъ его богатспствъ. Природа изшощила на него всѣ дары, кои шолько могутъ изливашься на главу смершнаго. Великій умъ, неуспрашимое мужеспво,

твердость въ предприятияхъ, кротость во время мира и снисходительность къ слабѣйшимъ среди брани, были соединены въ немъ со всѣми пріятностями внѣшней красоты. Эпаминондъ, не уступая ему ни знапностію рожденія, ни изящностію качествъ, опличался отъ него крайнимъ своимъ убожествомъ, и выборомъ заняпій. Пелопидъ былъ полководецъ и воинъ; Эпаминондъ орапоръ и философъ. Первый не пренебрегалъ подвиговъ тѣлесныхъ, стараясь укрѣпить мышца свои бѣганьемъ и борьбою; другой непрестанно спремился къ просвѣщенію разума, укрѣпляя душу бесѣдою мудрыхъ и чтеніемъ поучительныхъ книгъ. Роскошь и нѣга воздоили Пелопида; нищета сопутствовала Эпаминонду отъ самой колыбели даже до дверей гроба. Сія нищета, бывъ сначала наследственной, сдѣлалась потомъ произвольною, и почиалась имъ за драгоценное въ мірѣ спяжаніе. Самъ Пелопидъ, дабы связать надежнѣе узель

соединяющаго ихъ дружества, участвовали въ оной, подражая ему превоспшю трапезы, умеренностшю забавъ и проспшою одѣяншя. Будучи господиномъ, а не рабомъ своего богатства, распочалъ онъ его вездѣ, гдѣ только требовали того или нужда республики, или спрадающее челоувѣчество. Таковыя явленшя въ наши времена весьма рѣдки, но въ древности были онѣ гораздо обыкновеннѣе. Не одинъ разъ Греческшя и Римскшя жены приносили суешность, только свойственную слабому полу, въ жерпву отечества, отдавая кольца, серги, ожерелья на содержанше воинства. Не одинъ разъ видимы были сенаторы, консулы и даже дикпаторы сами, въ мирное время, для пропитаншя своего чредившше землю, хотя спяжанныхъ ими на браняхъ корыстей достпаточно было къ обогащешю цѣлой республики.

Между пѣмъ, какъ Пелопидъ и Эпаминондъ различными пушями возводили республику къ единой желаемой

цѣли, коварный Леоншидъ, искушаемый гнуснымъ корыстолюбіемъ, предаль ее въ руки Фебида, Спартанскаго полководца. Раздѣляя власть градоначалія съ мужеспвеннымъ Исменіемъ, имѣль онъ шайныя съ Фебидомъ сношенія, и благоприяшпсвuemый безпечною къ себѣ довѣренностію спражи, отвориль ночью воинспву его врапа Кадмейскаго замка, бывшаго крѣпостію и защищеніемъ Фивъ. Сенатъ согнулъ гордую выю предъ незапнымъ господиномъ; Исменій былъ взятъ подъ спражу; чешыре-ста храбрыхъ гражданъ, предводимыхъ мудрымъ Пелопидомъ, скрылись въ Аѣины; а уединенный Эпаминондъ, имѣя счастье ускользнуть отъ уваженія предашелей, покойно оспался въ недрахъ своего опечештва; ибо ученый и убогій-всегда и у всѣхъ народовъ были пренебрегаемы, и почишались за прошивниковъ неопасныхъ и слабосильныхъ.

Но могли ли долго испинные сыны опечештва пребыть праздными въ

земль чуждой, тогда какъ собственная орошалась слезами угнѣвленныхъ согражданъ! Пелопидъ помышлялъ непрестанно о спасеніи Фивъ, и не обрѣтая иныхъ къ тому средствъ, кромѣ мужества и рѣшимости, идесть безтрепетно на поприще смерти. Юный, но швердый въ предпріятыяхъ, навѣщаешъ онъ каждого изъ соупствовавшихъ ему изгнанниковъ, собираешъ ихъ: „Друзья!“ говоришь имъ — „Фивы въ цѣпяхъ, а мы радуемся о спасеніи, о своей жизни! Пала вольность республики, померкла слава ея, утвержденная мудросію нашихъ опцевъ; — исчезло могущество, врученное ей непобѣдимою ихъ храбросію; а мы спокойно возлежимъ на ложахъ госпепрїимныхъ Аѳинянь! Законопреспупная Спарта даешъ ей успавы; а мы дремлемъ опершись на острые наши мечи! Воспрянемъ граждане! свергнемъ иго, къ копорому не приобыкли мощныя ея рамена! — побѣдимъ, — или умремъ!“ — Побѣдимъ, или

умремъ! повпоряюшь единогласно 400 неуспрашиваемыхъ воиновъ! Побѣдимъ!— свергнемъ иго, къ копорому не приобыкли мощныя рамена Фивской республики!

Совѣщаясь о мѣрахъ, какъ вѣрнѣе и безъошибочнѣе совершишь великой сей замысль, ввѣряюшь они его оспавшимся въ Фивахъ своимъ друзьямъ. Друзья мужеспвенныхъ, могутъ ли вѣдать робость! Харонъ, Фивскій градоначальникъ, предлагаешъ имъ для шайнаго возвращенія свой домъ, и вымышляешъ средства, коими бы усыпишь бдишельность врага. По счастью, влекомая успѣхами буйная радость, и швердое надѣянiе на превосходство своихъ силъ начинали уже ее усыплять. Филидъ, одинъ изъ соучасниковъ Харона, будучи письмоводцемъ Леоншида, поставленнаго въ главы Кадмейскаго замка, предлагаешъ ему и первымъ начальствующимъ Спартанскаго воинства, великолѣпное пиршество. Назначень къ оному пошъ

самый вечеръ, въ который Пелопидъ съ одинадцатью неуспрашиваемыхъ поварищей вступили въ городъ, оставя подь названіемъ Священнаго полка 400 вооруженныхъ воиновъ въ предмѣстіи Тріазія, на двѣ съ половиною мили отъ Фивъ отстоящаго.

Солнце погасило мерцающій на западѣ лучъ, и засвѣпавшійся не смѣшными огнями Филидовъ домъ наполнился пирующими. Тучный паръ вкусныхъ яствъ носился надъ разставленными повсюду столами, вокругъ которыхъ веселые гости возлежали на пурпурныхъ ложахъ. Тихое бряцаніе арфъ и изпекающія тонкимъ эфиромъ благовонныхъ маслики вливали томную нѣгу въ разслабленные ихъ души. Румяный Вакхъ, прядая брызгами пѣнистаго вина, и возпламеняя болѣе рдяныя ихъ лица, шушилъ послѣднія искры разсудка и мужества. Въ минушу всеобщаго упоенія сладостной роскоши припекаетъ гонецъ съ пайными изъ Спарты извѣстіями. — „Радость и

„веселіе возлежащимъ!“ — почтительно произносишь онъ, — „Да благоволишь Леоншидь, крѣпость и надежда Спаршанскихъ Царей, оспановишь на время чашу пированія, и прочесть письмо, заключающее въ себѣ тайну важнаго, но сокрышаго отъ меня дѣла!“ — Леоншидь попрясь обремененною напипками главою своею, бросилъ помный взоръ изъ полузакрытыхъ, плавающихъ въ слезахъ очей, ослабилъ багровыя уста, шрепеща въ буйной радости, и посылая снова чашу пированія: „до завтра важна дѣла!“ — ошвѣчалъ пришекшему, — и письмо неразпечатанное оспалось до завтра на столѣ пирующихъ.

О! вы, правители и полководцы ввѣрившихъ вамъ благо свое! Познайше примѣромъ Леоншида сколь губельно бываетъ иногда всякое оплагашельство! невѣрное *завтра* не имѣло уже силы оказашъ Леоншиду ни самамѣйшей услуги. Спрашная его рука оспалась безъ дѣйствія: хладная смерть

оковала ее, и наводящій трепеть, клятвопреступный Леоншидь небыль болѣе ужасень никому. Правители и полководцы! Бойтесь упрямить единое благоприсяиствующее вамъ мгновеніе! Помните, что ни кошорая изъ находящихся позади васъ минуть никогда уже болѣе съ вами не цовспрѣчается!

Спаршанское письмо содержало въ себѣ всѣ подробности Пелопидова заговора съ вѣрною росписью его сподвижниковъ. Пошребно было одно движеніе Леоншидовой руки, дабы сломить съ него печать, и знамениыя Фивы никогда не возспали бы ошъ своего паденія. Но грозный гласъ меспи раздался у дверей пирующихъ, и оспрые мечи сверкнули въ помупившихся ихъ очахъ. Пошадите слабость повѣсповательницы вашей! Позвольте,— да преяду молчаніемъ безобразное шоржество повсемѣснаго убійства, и ошвращу робѣющій мой взоръ ошъ шекущей рѣкою крови! О ужась! вмѣ-

сто сладкаго согласія тихихъ арфъ, дрожащій сводъ загремѣлъ страшнымъ спухомъ мечей: вопли побѣдителей и стоны пораженныхъ опозвались въ многократныхъ его изгибахъ. На полуотверстныхъ радостію устахъ засвириствовали судорожныя движенія немолимой смерти. Злашыя кубки замерли въ окованныхъ вѣчнымъ хладомъ перстахъ, и чаша пиrowанія наполнилась кровію пирующихъ.

Побѣдоносный Пелопидъ, низложивъ главнѣйшихъ враговъ внутренняго блага, идешь, сопровождаемый ревностными сынами республики ко врагамъ Кадмейскаго замка, очищаешь его отъ насилія пирановъ, поѣкаешь пропивную спражу, отбиваешь темничныя двери, освобождаешь 500 заклепанныхъ шамъ рапниковъ, разливаешь ужась и приводишь општуившихъ къ должному повиновенію. Священный полкъ вступаешь, по данному знаку, во внутренность Фивъ. Мгновенно улицы заграждаются шрупами Спартанскаго

оберегательнаго воинства. Думая, что вся Фивская сила вооружилась на поражение его, приходишь оно въ опечаленіе, бѣжишь въ смутномъ безпорядкѣ въ поле, и зажитая попадающіяся на пути своемъ дома, освѣщаешь послѣднее свое бѣгство пылающими въ рукахъ свѣпочами.

Пламя разливается. Трескъ валящихся домовъ, шумъ оружія и всеобщіе вопли наполняютъ препетомъ окрестныя мѣста. Но ни сыплющіяся отовсюду искры, ни захватывающій дыханіе дымъ не сильны препнуть храбрыхъ Священнаго полка воиновъ: мощныя длани ихъ не содрогаются отъ ужасовъ! Самъ Пелопидъ кладетъ конецъ праведному ихъ мщенію. Онъ оспанавливаетъ убійство. Смирная бранный духъ, бросаетъ побѣдоносный свой мечъ, дабы упушить свирѣпство пожара, и повелѣвая воинамъ подкрѣпить себя опдохновеніемъ, спѣшитъ при помощи Эпаминонда, Харона и прочихъ вѣрныхъ согражданъ прегра-

дишь разпространяющееся пламя. Протекла ночь въ сихъ ревностныхъ движеніяхъ. Съ первымъ появленіемъ авроры неупомимый Пелопидъ одѣляетъ Ѡливянь взятыми въ Кадмейскомъ хранилищѣ оружіями, и предводя Священный полкъ, выступаетъ на опраженіе гоповащагося къ битвѣ Спаршанскаго воинства. Четыреста конныхъ и шесть тысячъ пѣхоты составляли всю его силу. Противная сторона состояла изъ тысячи шести сотъ конницы и двадцати четырехъ тысячъ пѣхоты. Ибо. командующій въ Мегарѣ Клеомбронъ, по данному пошъ же часъ о Ѡивскомъ возмущеніи извѣстію, прибылъ со всѣмъ своимъ ополченіемъ къ сѣнамъ Кадмейскаго замка.

Всякой можетъ усмотрѣть, подавала ли Ѡивамъ сія ужасная разность въ силахъ хотя малѣйшее на побѣду надѣяніе. Всѣ жители города, ошъ мала до велика, выбѣжали съ ужасомъ изъ своихъ домовъ. Спешащія жены и пречетныя дѣвы, почипая гибель

свою неизбежною, шѣснились въ безпорядкѣ на улицахъ. Благоразумнѣйшія изъ нихъ собрались въ капища для умилоспивленія боговъ усердными жертвами. Самые спарцы, во браняхъ побѣлѣвшіе, увидя многолюдное непобѣдимыхъ до нынѣ Спаршанцевъ воинство готовили на поражение масшипыя свои головы. Безразсудные! въ смяненіи помѣшаннаго спрахомъ ума забыли они, что не число, но духъ воиновъ опредѣляетъ побѣду, и что нерѣдко одинъ человекъ въ особѣ своей заключалъ цѣлое многолюдное ополченіе!

Оба войска спановяпся въ боевой порядокъ. — Спаршанское, будучи властелиномъ всей области захвапываешъ мѣспа, наиболѣе къ сраженію удобныя; Фивское довольспвуешся оставшимися. Пелопидъ, по данному съ обоихъ споронъ къ бишвѣ знаку посылаешъ впередъ конницу, поставя Священный полкъ, какъ единспвенную свою надежду въ срединѣ, дабы употребить

его шамъ, гдѣ малочисленные его ратники станушъ ослабѣвать, и гдѣ побѣда начнетъ переходить къ сторонѣ непріятелей. Чувствованіе праваго дѣла, и крайность до которой были доведены отчаянные республиканцы дѣлали ихъ непобѣдимыми. Исполняя рѣшишельнаго мужества ударили они съ такою силою и ожесточеніемъ, что цѣлый рядъ прошивныхъ палъ къ ногамъ ихъ не окупяся ни даже десятою долею. Спарпанцы колеблются. Первое пораженіе вливаетъ робость въ смѣлыя донынѣ ихъ души. Привыкши побѣждать единымъ появленіемъ, роняющъ они надмѣнный свой духъ и отступающъ въ изумленіи назадъ. Грозный Пелопидъ, подобаясь молніи носится съ перуномъ по смутившимся ихъ рядамъ, ушлая побоще шрупами пораженныхъ. Два первые знамениые ихъ полководца пали мертвыи подъ ударами его. Вѣрная его рука не была подъемлема вшунѣ: съ каждымъ взмахомъ ея поржес-

пвовала блѣдная смерть и безпорядокъ Спаршанскаго воинства сдѣлался повсемѣстнымъ. Не имѣя бодрости къ оборонѣ и не видя въ спрахѣ своемъ пущей къ бѣгству раздѣлилось оно на двое, оставя мужественному Пелопиду свободный сквозъ себя ходъ. Но онъ не удовлетворяется половинною побѣдою. Съ помощію Священнаго полка лешихъ къ шѣмъ, кои показывали болѣе сопротивленія и бодрости, разрываетъ сплошные ихъ ряды, поѣкаетъ ихъ,—и оставя безъ преслѣдованія бѣгущихъ возвращается полнымъ побѣдицею ко врагамъ возкресшихъ

Θивъ

Пелопидъ разсудилъ не входить въ городъ до шѣхъ поръ, пока старѣйшины онаго не покажутъ себя въ величїи прежняго своего достоинства. Немедленно соспавляется сенатъ. Краснорѣчивый Эпаминондъ говоритъ къ народу рѣчь: представляешь ему сладость и выгоду свободы, корысполубивую мѣшу гнусныхъ предашелей, и

величественный подвигъ спасителей ошечества, жертвовавшихъ съ шолкимъ великодушiемъ собственную жизнь блугу общественному. Радостныя слезы и всеобщiе клики народа показывали единомыслие его съ орапоромъ. Каждый желалъ облобызать побѣдоносныя Пелопидовы руки. Каждый желалъ положить къ ногамъ его малыхъ чадъ своихъ, имъ отъ неизбѣжной гибели спасенныхъ, и повергнувъ обильныя свои сокровища, долженствовавшiе безъ него сдѣлаться корыстiю ненасытимаго властителя.

Пелопидъ вступалъ въ Фивскiя врата. Сонмъ облеченныхъ въ бѣлую одежду жрецовъ, неся въ рукахъ священныя леншiя грядетъ во срѣшенiе его.— „Боги!“ — произноситъ первосвященникъ — „боги благословляютъ ревностнаго своего защитника! — Пелопидъ! не преставай бытъ вѣренъ имъ, ошечеству и правдѣ: боги не преспанутъ тебѣ споборствовать!“ — За симъ предшають сенаторы и

беошархи, поднося на златомъ блюдѣ лавровый Пелопиду вѣнецъ. Харонъ опъ лица республики возлагаеъ оный на его главу. Жрецы предшешествуютъ ему, устроивъ въ богослужительный порядокъ; за стопами его слѣдуетъ Священный полкъ, а за пѣмъ, все побѣдоносное Фивское воинство.

Сей величественный ходъ, представляя новое, поразительное зрѣлище, приводитъ зришелей въ восшоргъ, смѣшанный съ чувствованіемъ умильнаго благоговѣнія. Старцы, въ знакъ покорности и благодаренія, преклоняютъ передъ Пелопидомъ колѣна, жены и дѣвы бросаюъ къ ногамъ его благовонные цвѣты, народъ плещетъ во длани и съ громкими восклицаніями слѣдуетъ за нимъ во храмъ Юпитера и Бѣллоны, опшуда къ сенашу, гдѣ удостоивъ его единогласнымъ избраніемъ въ беошархи, сопровождаеъ съ пѣніемъ похвальныхъ пѣсней до самыхъ вратъ его дома.

Вечеръ и половина ночи прошекли въ радоспныхъ пированіяхъ. На другой день, дабы узнать истинныя силы республики, и положишь твердое основаніе ея охраненію, собираетсѣ сенатъ. Пелопидъ столь же кропкій, какъ и мужеспвенный, печетсѣ о спокійспвіи раздираемыхъ бранію греческихъ городовъ. Онъ предлагаетсѣ опсправить въ Спаршу пословъ съ прошеніемъ прочнаго цѣлой Греціи мира. Спарфйшины и народъ соплещущъ человѣколюбивому его предложенію, и краснорѣчивый Эпаминондъ избираетсѣ главою предполагаемаго посольства.

Уже спокрылая, и столь же успень имѣющая молва принесла въ Спаршу полное о Кадмейской бипвѣ и о приближеніи мирныхъ пословъ извѣспіе; но гордые ея цари, не вѣдая опеческой къ народу своему любви и не щадя крови его пылающъ несправеднымъ на Пелопида мщениемъ. Они клянущся священнымъ именемъ возложенныхъ на

чело свое діадимъ или изшребить
 Өивы, затмившія долголѣпную славу
 ихъ оружія, или предашь изшребленію
 поспыженный родъ знаменитыхъ до
 нынѣ Лакедемонянъ. Душа ихъ мяшеш-
 ся различными движеніями. Спрахъ,
 обезславить себя не правымъ дѣй-
 ствіемъ, кипучій гнѣвъ и почашая
 сердце зависшь, подобно люпымъ фу-
 ріямъ раздирали ее. Хитрый Агезилай
 ищешъ въ обильномъ вымыслами сво-
 емъ умѣ благовиднаго на войну предлога
 и въ швердомъ на успѣхъ надѣяніи по-
 велѣваешъ предшашъ Өивскимъ пос-
 ламъ, при множествѣ иногородныхъ
 Греціи повѣренныхъ.

Эпаминондъ вспушаешъ, и внима-
 ніе цѣлаго собранія къ нему устремляеш-
 ся. Его привлекательный образъ и ве-
 личественная поступь шоль же опли-
 чали его опъ всѣхъ пришлыхъ и со-
 земцовъ, сколь блистательный сиріусъ,
 появляясь въ среду несчетныхъ со-
 звѣдіевъ опличешвуешъ опъ нихъ
 свѣшлослію на всемъ необозримомъ

пространствѣ небесъ. Колико стройный кедръ высится надъ рощею разнородныхъ, стоящихъ вкругъ его деревьевъ, полико юный, сановитый Эпаминондъ превышалъ стоящее вкругъ себя сонмище. Полные огня, но крошкіе его взоры, важное глубокомысліе на челѣ, цвѣшущія въ ланипахъ розы и широкія перси представляли счастливое совокупленіе юной весны съ зрѣлою плодами осенью. Эпаминондъ начинаешь говорить: нѣтъ очей, нѣтъ слуха неуспремленныхъ къ нему; полико-то привлекательны тихая улыбка его успѣ и приятное созвучіе голоса! Самъ неукрошимый Агезилай сморщитъ на него съ невольнымъ удовольствіемъ.— „Побѣда,“—начинаешь Эпаминондъ — „дарованная намъ справедливыми богами, не унижаешь славы, „стяжанной Спаршою знаменимымъ „ея оружіемъ, и не надмѣваешь насъ „неприспупною гордостію Сильная „во браняхъ Фивская республика предлагаешь вамъ, мудрые Лакедемонскіе

„цари! оливную вѣшвь: удостойте
 „принять ее; вся Греція вкупѣ со мною
 „простираетъ союзную къ вамъ дес-
 „ницу. Поля ея, подобно вашимъ, ле-
 „жатъ не воздѣланы; шучныя нивы по-
 „росли волчцемъ и перніями; мягкіе лу-
 „га не питають рѣзвящихся стадъ;
 „пѣсни трудолюбивыхъ орашаевъ и
 „свирѣли веселыхъ пасшырей не огла-
 „шаютъ окрестныхъ лѣсовъ сладкимъ
 „согласіемъ. Перестали процвѣпать
 „художества, торговля умираетъ, нау-
 „ки и любомудріе кроются въ пеще-
 „рахъ. Нѣтъ болѣе совокупныхъ пра-
 „лезъ; нѣтъ пиршесствъ; — нѣтъ игръ,
 „только укрѣпляющихъ мышца юно-
 „шества: Греція и Лакедемонъ шрепе-
 „щуть посмѣнно близкой своей опас-
 „ности! самые боги пребываютъ какъ
 „бы въ нѣкоемъ забвеніи. Храмы ихъ
 „стоятъ почти всегда затворенными;
 „единый вопль и стenanія усрашен-
 „ныхъ женъ прерываютъ царствующе-
 „щее въ нихъ глубокое молчаніе. Время
 „дать опдохновеніе утомленнымъ во

„браняхъ войнамъ, и возвратишь цвѣ-
 „пущій образъ ихъ городамъ. Кро-
 „пость и человѣколюбивое правленіе
 „монарховъ, не рѣже самихъ побѣдъ
 „ведуть къ безсмертію ихъ имена,—и
 „власть ушвержденная на любви под-
 „данныхъ, едва ли не надежнѣе бы-
 „ваетъ страхомъ присвоенной. Не
 „оковы и темничные заклепы по-
 „коряють сердца завоеванныхъ на-
 „родовъ: единая благость упра-
 „вляеть ими. Слова мои не суть
 „гаданіе. Примѣры вѣковъ показыва-
 „ють намъ, что связь, произтекшая
 „опъ взаимнаго почтенія союзни-
 „ковъ, бываетъ гораздо прочнѣе той,
 „которая составляетъ громомъ ору-
 „жія и превосходствомъ силъ. Фивская
 „республика проситъ у васъ, мудрые
 „Спаршанскіе цари! мира, основанна-
 „го на общей пользѣ и равновѣсіи всѣхъ
 „городовъ многолюдной Греціи. Она
 „ходатайствуетъ не за одну только
 „себя; ибо единая справедливость и
 „равенство свободъ союзныхъ народовъ

„дѣлаешь миръ ихъ прочнымъ и не-
„нарушимымъ.“—

Эпаминондъ умолкъ. Кичливый Агезилай начинаетъ по немъ. Слава Спартанскаго оружія, говоритъ онъ, въ дѣсицѣ ихъ царей; а надменіе Фивской республики, послужило бы ей къ гибели! Весьма свойственно немоцному пипомцу школь унижать величіе неуспрашаемаго духа: но союзъ необузданнаго народа не дастъ безсмертія слабосильнымъ монархамъ. Отвѣтствуй Эпаминондъ; согласныли миролюбивыя Фивы возвратишь независимость Беопическимъ городамъ, полико неправедно подъ игомъ рабства спенящимъ?

„Согласенъ ли государь,“— вопрошаетъ Эпаминондъ— „ты и товарищъ твой Клеомбронъ возвратишь независимость порабожденной вами Лаконіи!“—

Хитрый посланникъ, възкликаетъ разъяренный Агезилай! Почто думаешь зашмишь вопросъ мой своимъ, и вод-

воришь бунтъ и крамолы въ среду подвластнаго мнѣ народа! Опвѣстшуй, не примѣшивая опаснаго своего коварства: возвратишь ли Фивская республика прежнюю Беоціи независимость? — „Она возвратишь ее тогда, „когда Лаконія познаеть сладость сей „же самой независимости,“ — Опвѣстшувалъ Эпаминондъ.

Ищущій къ брани одного шокмо предлога Агезилай не счелъ за нужное управляшь болѣе своимъ властолюбіемъ. Онъ вспалъ съ мѣста препеца опъ гнѣва, и ужасное слово *война* загремѣло въ ушахъ его.

Такимъ образомъ челоѣколюбивое Пелопидово предпріятіе обратилось въ ничто, и путешествіе Эпаминонда не принесло никакой пользы, кромѣ той, что Фивская республика узнала съ кѣмъ имѣла дѣло, и взяла свои мѣры.

Обѣ стороны производяшь послѣшныя наборы; пребуется немедлѣнная опъ союзныхъ помощь. Ополченія возрасшаюшь съ каждымъ днемъ, и не-

успѣвшіе еще оправиться Эивы увидѣли предъ спѣнами своими грознаго многолюдствомъ непріятели. Самъ Агезилай, предводя шьмочисленное воинство, является подъ ними. Шумъ, произведенный стопами идущихъ, движеніемъ ихъ лапъ, сопрясеніемъ доспѣховъ, — топотъ и ржаніе коней принесли въ городъ прежде, нежели самыя зоркіе очи могли усмотрѣть что либо приближающееся. Какъ задумчивый пѣшеходецъ, проходя уединенную дѣбрь, и не видя предъ глазами ничего, кромѣ одной извивистой тропки, начинаешь слышать тихіе, одновременныя махи косцевъ: шумъ подсѣченныхъ классовъ и свистъ косъ возрастающій съ каждымъ его шагомъ, — онъ не различаешь болѣе за ними шороха собственныя стопы: однако, не прежде познаешь причину того мѣрнаго, какъ бы по условію расположеннаго единозвучія, пока не открываешься предъ нимъ необозримое поле, уставленное безчисленными рядами поселянъ; такъ

и Фивы слышатъ сначала отдаленный, потомъ съ каждымъ мгновениемъ приближающійся шумъ мѣрно спускающихся ратниковъ, и наконецъ видятъ несмѣтное передъ собой ополчение. Облако подъятой имъ густой пыли зашмило дневный свѣтъ. Подобно развившейся по всему небу черной тучи, разсѣваемой по временамъ сверкающею во многихъ мѣстахъ молніею, густая пыль сія пробрасывала сквозь себя блески горящихъ отъ солнца броней, щиповъ, копій и забралъ. Но Пелопидъ не содрагается. Возложавъ твердую надежду на боговъ защитниковъ праваго дѣла, и изпоргшись мужественно изъ объятий Софроніи, юной, какъ ясный весенній день миловидной супруги, спѣшивъ охранять святость олтарей, защищать слабыхъ женъ, обезпечить малыхъ чадъ, и спасти цѣлую республику. Тщетно рыдаетъ сія нѣжная, пылающая къ нему вѣрною любовію супруга; тщетно объемлетъ его колѣна, и мольбою, прерывающеюся воп-

лемъ и сненаніями, заклинаешь хранишь собственную жизнь. „Полководецъ“ — говоришь онъ — „обязывается, „пещись о единомъ шолько храненіи „ввѣреннаго ему воинства“.—

Побереги слезы свои горестная супруга! Скоро будешь имѣшь ты нужду проливать ихъ цѣлыми изсточниками. Я вижу подъямый на главу швоего Пелопида ударъ. Ужась швой, оковавъ мои чувства, прерываетъ порядокъ повѣствованія! Спужь мечей сразившихся вошновъ, усшремленные къ небу швои очи, мертшвая на лицѣ блѣдность и подъяшья вверхъ руки, мрачатъ усшрашенное мое воображеніе, и опымаюшь у меня голосъ. То мразъ, шо огонь изъ швоего переливается въ мое сердце. О, сколь страшна для тебя потеря Пелопида! Чѣмъ выше счастье смершнаго, шѣмъ ужаснѣе ударъ, грозящій его похишшь!

Уже побѣда явила себя на шпоронѣ Фивскаго воинства. Единъ Агезилай пребылъ непобѣдимымъ. Носясь до шру-

памь Спаршанцевъ, ободряешъ онъ бѣ-
гущихъ воиновъ, воспламеняешъ угасшее
въ нихъ мужество, перелешаетъ съ
одного крыла на другое, и понося посты-
дною клеветою храбраго Пелопида,
исчешъ съ нимъ сразишься

„Гдѣ сей!“ — возклицаешъ онъ громо-
гласно, — „гдѣ сей надмѣнный, являющій
„силу свою надъ слабостію новыхъ ра-
„шниковъ, и бѣгущій какъ прешпная
„дѣва опъ спрашной моей руки! Выди,
„грозный Пелопидъ! Острый мечъ мой
„алчешъ упишься пвоею кровію! Нѣшъ,
„робкій лицемѣрь! Спѣши постыдною
„жипросію упвердишь спяжанную
„шобой славу! Бѣги знаменишаго побѣда-
„ми Агезилая! Смершь ожидаетъ шебя
„у ногъ его! —“ Пелопидъ слышитъ
наглыя себѣ укоризны. Онъ мещешъ
сверкающіе опъ яросши взоры, и съ
высопы холма, на коемъ одолѣвалъ
послѣднее Спаршанцевъ усилие, видишь
Агезилая, пошрясающаго безмѣрной дли-
ны копіемъ и грозно ударяющаго о свѣ-
шдый свой щипъ. Гнѣвъ возкипѣлъ въ

сердцѣ его. — Препоруча мѣсто свое мудрому Харону, лепишь предъ лице дерзкаго своего поносителя. Агезилай опснупаешь. Несмѣшное число тѣлохранишелей застѣняють его. Пелопидъ очищаетъ себѣ свободный сквозь нихъ путь; но пораженные замѣняются новыми. Туча стрѣлъ сыплется на главу Пелопида. Одна вонзается въ правую его ногу; онъ покушается изпоргнуть ее, но ослабѣвая падаетъ на улишый кровію песокъ, будучи побѣжденъ коварствомъ и осилень множествомъ. Тѣлохранишели Агезилая, покрывъ падшаго героя широкими щитами, уносятъ его прежде нежели сражавшійся при его десной Эпаминондъ и подоспѣвшій на защиту двухъ друзей съ Священнымъ полкомъ Харонъ, могли упредить мгновенное сіе дѣйствіе. Грозная вѣсть о смерти Пелопида, носясь въ обоихъ воинствахъ, поражала опчаяніемъ однихъ и надмѣвала надѣяніемъ другихъ. Побѣда переходитъ торжественно на сторону Смар-

панцевъ. Фивскіе воины бѣгутъ въ страхъ ко врагамъ, своего града, какъ безоружные, не смѣя подыять руки на опраженіе мечей ихъ посѣкающихъ. Только Священный полкъ, при всей скорби своей, не потерялъ бодрости прошившись врагу. Онъ удвоилъ ее. Смерть Пелопида, возвращая его мщеніе, возрастала и силу. Сомкнувшись какъ едино тѣло, заклинается онъ мрачными богами Таршара отмстить Пелопида, или принести въ жертву тѣни его собственную жизнь. Но Агезилай незапно прекращаетъ битву. Трикрапы Спартанскій герольдъ возпробилъ къ отступленію своимъ, и трикрапы провозгласилъ къ прошивнымъ, пребуя молчанія и тишины. Возвращаются бѣгущіе и преслѣдующіе. Оба воинства водружаютъ копія свои въ землю. Глубокая тишина смѣняетъ громъ и вопли ратные. Каждый безмолствуетъ, каждый усуремляетъ вниманіе, и въ безпокойномъ неперервнѣи ожидаетъ конца се-

му, столь мало чаемому произшествію.

Всеобщее нетерпѣніе и тишина усугубляющіяся при появленіи важно выступающаго Агезилая. Онъ былъ одинъ. Съ рамень его спруилась длинная багряница, въ десной блиспаль обнаженный мечъ, а въ шуйцѣ зеленѣлась вѣшъвисшая олива., — *Θιωναν!* “— говоритъ онъ— „Пелопидъ вашъ живъ. „Жребій его въ моей власти. Я прекращаю всякое воинское дѣйствіе доупра. „Кто изъ васъ осмѣлится нарушить „мою волю, пошь вонзитъ мечъ въ „грудь своего Полководца. Сей день „даю я на размышленіе, гнѣва моего, „или покровительствва хочешъ *Θιωναν* ская республика. Вся сила ея пала „къ ногамъ моимъ съ надмѣннымъ Пелопидомъ. Я возвращу его ей, ешьли „согласишь она приняшь мои законы, „ешьли опворитъ враша моимъ войнамъ, ешьли вручитъ Кадмейскій „замокъ моимъ беопархамъ, ешьли „опдастъ мнѣ безъ выкупа плѣнныхъ,

„возвратишь вольность всѣмъ Беоній-
 „скимъ городамъ и отступишь отъ
 „союза враждующихъ мнѣ Аѳинъ. Мечъ
 „и оливу предлагаю вамъ Ѡивяне! и
 „даю на волю избирать то, что най-
 „дешь ближайшее къ своимъ пользамъ.
 „Съ однимъ соединена смерть Пелопи-
 „да и паденіе величественныхъ Ѡивъ, —
 „съ другою жизнь перваго и пощада
 „последнихъ.“ —

Въ самое сіе время нѣсколько Спар-
 танскихъ воиновъ выводятъ скованна-
 го Пелопида, неся надъ главою его
 подлыя орудія казни преступниковъ.
 Ужасъ спѣсняетъ сердца Ѡивянъ. Ни
 одинъ изъ нихъ, кромѣ воиновъ Священ-
 наго полка не могъ воздержаться отъ
 слезъ и рыданія. Сія, дрожа мщеніемъ,
 повертываюшь въ яромъ гнѣвъ водру-
 женныя въ землю копія. “ — Ѡивяне!“ —
 „продолжаетъ Агезилай идите въ до-
 „мы свои; завтра, съ пришествіемъ
 „дня возвѣсите мнѣ выборъ вашъ.
 „Мечъ или Олива!“ Мечъ переры-
 ваешь громогласно безпрепешный Пе-

лопидь. Стража подъемлетъ надъ нимъ свѣркающія сѣкиры, но Агезилай даетъ перстомъ знакъ — и его уводяшь.

Никогда жипели Фивъ не показали споль великаго ужаса и опчаянiя, какъ при видѣ разбишаго, и безъ полководца въ безпорядкѣ вбѣжавшаго своего ополченiя. Не перья времени соспавляется военный совѣшь и собираетъ сенашь.

Всѣ спарѣйшины единогласно пропивяпся войнѣ: „Силы республики,“ — говоряшь они—, „изтощены частнымъ „предательствомъ, двумя кровопишными „ми битвами, и десятишмѣсячнымъ пора- „бощенiемъ. Сами боги не благоволяшь „нашему оружію; чегоже осмѣлимся мы „ожидашъ опъ него въ споль незапной „крайности, гдѣ приспѣвшее бѣдствiе „не даетъ намъ времени, къ приняшiю „спасительныхъ мѣрь! Возложимъ ли „надежду на союзниковъ? Большая часть „ихъ стояшь у врашь нашихъ подъ зна- „менами Агезилая, оставшіеся не вѣда- „юпшь, да хопябы и вѣдали, не возмо-

„гупъ подать намъ столь спѣшной
 „помощи. Вооружимъ ли согражданъ?
 „Лучшій цвѣтъ юности нашей или по-
 „сѣчень, или увяль, поперявъ съ Пело-
 „пидомъ бодрость свою и силу. — По-
 „пустимъ ли разъяреннаго врага опъ-
 „япъ у насъ силою ту свободу, копо-
 „рой пребуесть нынѣ на условіяхъ?
 „Мы увидимъ вторично пылающими
 „наши дома, разхищенное имущество,
 „влекомыхъ съ поруганіемъ за побѣди-
 „пельной колесницей женъ, ограблен-
 „ныхъ святошапскими руками боговъ,
 „попранные олшари и разрушенный
 „до основанія знаменитый градъ. — О,
 „Фивяне! да опшрашитъ небо шолкое
 „опъ насъ видѣніе! Смирисьея необхо-
 „димостію! Крапкость одной ночи
 „едва оставляесть намъ на выборъ изъ
 „двухъ золь припъ умѣреннѣйшее: о
 „побѣдѣ, — да не дерзнемъ и помыш-
 „ляпъ! Опшоримъ врапа грозному Аге-
 „зилаю, подклонимъ себя подъ законы
 „Спаршы; — спасемъ жизнь мужест-
 „венному нашему защитнику, и спа-

„немь опть правосудныхъ боговъ ожи-
 „дань минушы, въ которую низпош-
 „люшь они намь силу и средство
 „спряхнушь съ выи пѣжкія цѣпи не-
 „воли! —“

Возспаль Эпаминондъ. Такъ ли, —
 возклицаеть онъ, такъ ли разсуждали
 мужественные наши предки! Такимъ
 ли образомъ дѣйствоваль Тразименъ,
 предпріявшій низложитъ Спартанское
 надмѣніе! — И такъ ли мыслишь самъ
 во узакъ спенящій Пелопидъ! Имѣль
 ли бы слабосць сей обожаемый вами
 Полководецъ произнѣспи шoliko недо-
 стойный Фивскаго гражданина совѣшь!
 Посмѣль ли бы онъ предпочестъ храненіе
 собспвенной жизни благу обществен-
 ному! — Нѣшь! — Рабствующіе респуб-
 ликанцы, нѣшь! Онъ не просипъ у васъ
 спасенія своего; не хочеть купитъ его
 цѣною неволи вашей и униженія! Мечъ!
 Возкликнулъ онъ къ вамъ, не спрашась
 ступающей по его пятамъ смерти!
 Мечъ долженствуетъ повшоритъ по-
 бужденное примѣромъ его воинство, и

сей мечь одинъ только можетъ вамъ дать свободу, которой намъ реваеши вы ожидаете ошъ невидимаго покровительства раздраженныхъ робоспю вашею боговъ. Да прольется кровь сего дражайшаго мнѣ Пелопида, когда не можемъ мы, спасая его, спасти ошъ порабощенія республики Скрѣпимъ сердца свои граждане! и принесемъ его въ жертву отечества!

Тутъ престарѣлый Пелопидовъ опецъ закрылъ лице свое дрожащими руками, а при брата его начали проливать източники горькихъ слезъ.

Старець! вновь начинаетъ Эпаминондъ, боги видятъ сколь драгоценна мнѣ жизнь своего сына! Но самые же боги сіи запрещаютъ мнѣ внимать вопіющему въ сердцѣ моемъ гласу. Для спасенія Пелопида охотно излилъ бы я по каплѣ мою кровь, для спасенія отечества я пребую его смерти!

„Да оппускаетъ мнѣ скорбь мою“ — прервалъ старецъ „славна смерть за отечество и бѣдственно лишеніе

„доспойныхъ чадъ! я безъ упорства
 „опдаю ихъ богамъ и опечешву, и
 „клянусь сими священными именами,
 „копорымъ въ ревностномъ служеніи
 „убѣлились власы мои, что малѣйшее
 „о потерѣ Пелопида ропшаніе не вы-
 „дешъ ошъ нынѣ изъ моихъ усь. Да
 „произнесуть сограждане праведный
 „свой о немъ приговоръ.“ —

Возсталъ шумъ и смяшеніе въ со-
 вѣтѣ. Мнѣнія раздѣлились на двѣ, одна
 другой наспопашельно прошивурѣчащія
 спороны. Опецъ и брашья Пелопида
 удалились, дабы не смущать присуп-
 швіемъ своимъ, и не склонить къ пу-
 щей жалоспи ихъ скорбію разспроган-
 ныхъ судей. Не смопря на убѣдительные
 доводы Эпаминонда, спорона прошив-
 ныхъ ему начала превозмогашъ. — „Съ
 „пошерею споль искуснаго полковод-
 „ца“ — вопіяли почти всѣ — „шеряемъ
 „мы надежду на сильное имъ однимъ
 „оружіе наше. Возвращя его, возвра-
 „шимъ мы средство спряхнушь нѣ-
 „когда съ рамень своихъ иго неволи.“ —

По долгомъ совѣщаніи положено на-
конецъ опдать дѣло сіе на рѣшеніе
самаго Пелопида. Избирается послан-
никъ, которому препоручено изхода-
тайствовать у Агезилая свиданіе съ
знаменистымъ его узникомъ.

Недовѣряющій безъизвѣстному, и
спрашась положишься на непостоян-
ное счастье оружія Агезилай прекло-
нился на прозьбу Фивянь. Но вѣдая
также и твердость Пелопида, при-
бѣгаетъ къ могуществу природы и
красоты. Одинъ только гласъ супруги
кажется ему удобнымъ поколебать
сего твердаго сына опечества; поче-
му на нее одну и возлагаетъ онъ по-
сольство республики.

Посмотримъ Агезилай! совершен-
ноли вѣдаешь ты сердце человѣка, —
и не найдешь ли чуждое спрашямъ
и искушенію! не найдешь ли такое,
въ которомъ бы гласъ супруги, сына,
родителей, сей громкій гласъ нѣж-
ности и наслажденія, былъ заглушаемъ
суровымъ гласомъ священныхъ обязан-
ностей!

Мгновенно услужливая молва принесла на быспрыхъ крыліяхъ своихъ къ печальной Софроніи извѣстіе о предложеніи Агезилая.— „Да благословяшь боги мудраго Спаршанскаго царя! возгласила она“—и съ младенцемъ на рукахъ, единственнѣмъ сыномъ своимъ, къ спраждущему его опцу полетѣла.

„Радость дней моихъ, слава моя, краса, упованіе, дражайшій Пелопидъ!“—говоритъ она ему — „ошечество швое устами моими призываетъ тебя къ себѣ! Оно шребуешъ опъ тебя услуги, шпревышающей всѣ прежде бывшія. ШСпасенія своего ожидаетъ оно опъ шсебя!“—

Пелопидъ.

Весело пролью я за него мою кровь, и мужественно изпущу духъ посреди мукъ, которыя готовишь мнѣ Агезилай.

Софронія.

Нѣшъ, безцѣнный супругъ!—Нѣшъ! Агезилай не алчетъ крови швоей! Са-

мые враги наши чшуть ее, какъ нѣчто священное: коликоже Фивяне должны пещись о храненіи твоей жизни, и коликое уваженіе ты самъ обязанъ оказывать къ ней! Спаршанскій царь возвращаетъ тебѣ свободу, родителей, сына, супругу, боговъ, и сіе самое отечество, для котораго безпрепятно идешь ты на всѣ ужасныя муки смерти. Цѣною шестидесяти благъ поставляешь онъ швое согласіе съ мирнымъ его предложеніемъ,—и прелестныя Фивы ждуть ошъ руки твоей своего спасенія.

Пелопидъ.

Согласіе узника! Чшо значить оно ширани, имѣющему жизнь его въ свирѣшной своей власти. Увы! — и чшо опятченная оковами рука моя можетъ сдѣлать для спасенія отечества!

Софронія.

Воинство наше побѣждено, и едва-ли составляетъ половинную прежде бывшаго часть. Неопытные отроки

и дряхлые старцы безсильны охраняшь градъ опъшмочисленнаго врага. Съ первыми лучами дня грозный сей врагъ ударитъ въ беззащитныя наши стѣны, естли дерзнемъ опвергнуть мирныя его предложенія; тогда гордые, знаменитые Фивы падуть падуть и не возстануть! Но онъ пощадитъ ихъ,—онъ опсавитъ имъ прежнее велелѣпіе, онъ не нарушитъ семейной въ домахъ ихъ тишины, когда примуть они Спартанскіе законы и снова подчиняшь себя правительству ея царей. Фивяне, дражайшій супругъ! близкое къ гибели швое отечество шребуешь одинаго лишь швоего на сіе согласія. Требуешь двухъ, написанныхъ шобою словъ, брань или миръ, бѣдствіе или тишину опредѣляешь ты республикѣ. Всѣ спарѣйшины готовы опворишь врата страшному Агезилаю. Самые воины не дерзають мыслишь о защитѣ: шoliko-то упаль ихъ духъ, и шoliko-то слабы для сопрошивленія силы ихъ. Но ни одинъ изъ полимарховъ

беотарховъ и старѣйшинъ, не дерзаетъ
прियाтъ оливную Агезилая въшвь, пока
ты, обожаемый всѣми военачальникъ,
пока ты, радость дней моихъ, не про-
изнесешь своего Фивамъ приговора.
Поддержи валящіяся стѣны твоего
отечества! Увы! онъ упадутъ на голову
родителей, сына и супруги Пелопида!

Она умолкла, усpreмя умильные,
молящія на Пелопида очи. Трепещна,
управляясь и страхомъ, и надеждою,
едва дышуща, сажаетъ она на его ко-
лѣна испуганнаго младенца, и сложа
крестообразно на груди своей руки,
ждетъ движенія его успѣ.

Да падутъ!—начинаетъ Пелопидъ,—
да падутъ стѣны сіи на голову всѣхъ
любезнѣйшихъ моему сердцу, и погреб-
бая подъ знаменитыми развалинами
своими достойныхъ Фивянь, спасутъ
ихъ отъ тяжкаго и постыднаго раб-
ства. Ты склоняешь меня предать
мое отечество? дочь Фивской респуб-
лики, супруга Пелопида, мать будуща-
го воина, ты, приобщаясь къ власто-

любивому врагу, дерзаешь ходатайствовать цѣпей воздоившему тебя опечеснву! Ты осмѣливаешься нарицать пощадою законы своенравнаго пирана; велелѣпиемъ узы; семейною пишиною — подлое, бѣдспвенное рабство! Прочь Софронія!— Низость духа швоего покрываетъ меня сшыдомъ и возбуждаетъ мое негодованіе.

Въ сіе время младенець прилягаетъ къ груди Пелопида. Онъ сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ. Софронія, пользуясь мгновеніемъ его нѣжности, начинаетъ говорить:

Кого объемлешь ты, дражайшій Пелопидъ? на кого съ поликимъ взираешь умиленіемъ? на своего сына Ишакъ, воспаленное любовію къ свободѣ воображеніе швое не совсѣмъ разорвало еще узы крови: сердце швое признаетъ ихъ, и могущеспвенной природы гласъ досязаетъ до него. О, какъ раздѣляешься между вами моя любовь! Двухъ Пелопидовъ представляють мнѣ мои взоры. Тѣже самыя

чершы; поже мужественное благородство на челѣ, тѣ же сверкающія, какъ черный агашь очи; тѣ же алыя, какъ розы полей нашихъ уста: во всемъ подобень онъ тебѣ! И мышцы толико же мужественны;—и рамена, и выи спосбны къ подъяшю нѣкогда тяжелыхъ твоихъ доспѣховъ: лишь мое у него сердце, которое влечется нѣжною къ тебѣ любовію; лишь крепость мою, лишь повиновение мое твоей волѣ наследилъ онъ! Онъ пойдетъ нѣкогда по знаменишымъ твоимъ спопамъ. Подъ руководствомъ твоимъ прешечетъ онъ пушь, славно тобою проложенный. Рука его вооружится на поражение Фивскихъ враговъ. Подобно тебѣ броситъ онъ ярые въ нихъ громаы, и низложитъ надмѣніе прошивныхъ. Пелопидъ! почто хочешь ты похитишь двухъ вѣрныхъ у своего опечества слугъ! Съ тобою погребутся будущія дѣянія твоего сына. Миѣ ли, потерявшей тебя, поручаешь ты вселишь бодрость и мужество въ юной его

духъ? Я ли, сердцемъ съ побой умершая, посѣю въ слабый разумъ его сѣмена строгой добродѣтели? Нѣтъ, благо дней моихъ!—Нѣтъ! единственный твой примѣръ можетъ другаго даровать *Θивамъ Пелопида.*

Пелопидъ.

Онъ и даруетъ его! Смерть возродишь меня въ сынѣ моемъ. Купя жизнь себѣ цѣною всеобщаго рабства дамъ я гнусный примѣръ предашельства: принесши себя въ жертву опечесства, процію я въ юное сердце сына моего неупомимую жажду соревнования къ подвигамъ моимъ и праведное желаніе мести. Но заря являетъ уже румяное свое лице. Каждое мгновеніе драгоцѣнно намъ. Софронія! щеки немедленно возвѣспишь *Θивамъ* послѣднюю волю скорбящаго не о жизни, но о пращѣ меча полководца ихъ. Если когда-либо дорого цѣнили они ревностное мое имъ служеніе, да покажутъ шеперь по безшрепешнымъ на кичливаго врага нападеніемъ. И сог-

бенный старецъ, и робкій отрокъ, да вооружашъ на брань слабыя свои руки. Сладка будетъ смерть моя, когда испуская духъ познаю я, что Фивяне гнушающся поспыдныхъ цѣпей рабства, и не щадящъ жизни для спасенія своего опечества.

Софронія.

Свирѣпый! терзаль ли когда люшый шигръ собственныхъ чадъ? отдаваль ли беззащитную ихъ мать въ пищу разъяреннаго льва? Не Фивская жена породила тебя! Нѣшь! Ты не лежалъ у горячаго сердца машери! Каменные скалы изрыгнули тебя изъ хладной своей упробы! Ты

Пелопидъ прерываетъ ее.

Любезная Софронія! Когда вмѣсто одного имѣла бы ты многихъ чадъ; когда бы смерть сихъ безцѣнныхъ швоему сердцу чадъ была предписана неумолимымъ закономъ; но когда бы пожертвовавъ добровольно однимъ, могла ты спасти ошь погибели дру-

гихъ,—дражайшая супруга! скажи мнѣ, ужь ли оспановилась бы ты принести сію спасительную жершву!

Софронія.

Себя принесла бы я для спасенія ихъ.

Пелопидъ.

Но когда не швоей, а чадъ швоихъ смерши требовали бы ошъ шебя; и во власши швоей было бы шолько предашь или одного или всѣхъ: что внушило бы шебѣ шогда машеринское швое сердце.

Софронія.

Пелопидъ! я не предала бы ни одного изъ чадъ своихъ! Здѣсь, — на воздоившей ихъ груди, сокрыла бы я всѣхъ; кинжалъ, разящій одного, изшоргъ бы шренещущее машеринское сердце, и закрылъ на вѣки глаза мои ошъ ужаснаго чадоубійства.

Пелопидъ

Заря умножаетъ свѣтъ, Софронія! не медли. Онъ пишеть записку; ош-

даетъ оную приведшей Софронію
спражѣ, и пемничныя двери съ гро-
момъ за опшедшими заключаюшя.

Посыпавъ пепломъ главу, вступ-
паешъ опчаянная супруга въ градскія
враша. Опроки и шарцы подъемлютъ
оружіе. Военачальство поручается Ха-
рону. Фивскій глашаташъ возвѣщаешъ
Спартанцамъ брань, и оба ополченія
въ боевой становяшя порядокъ.

Но кто сей безоружень, изъ сре-
ды Фивскаго воинства изходишь? въ
рукахъ его нѣтъ ни меча, ни оливо. Очи
его не сверкаюшъ яростию и не объ-
щаюшъ подчиненія; но осѣненное шле-
момъ чело кажетъ великое предпріятіе.
Кто сей хранимый единымъ собою,
безпрепешно къ строю прошивныхъ
приближается? То Эпаминондъ. Тиши-
на въ могилахъ царспвующая изводишя
имъ. Какъ двѣ бездушныя, изъ хладнаго
камня воздвигнушыя сшѣны, пребы-
ваюшъ въ безмолвіи два вражія воин-
ства. Нѣтъ движенія въ живыхъ, не
слышно гласа въ словесныхъ. Любо-

пышество, недоумѣніе, и сладостная
 на выгодный миръ надежда оковали
 рапниковъ.— „Государь“ — возкликаетъ
 Эпаминондъ! — „Глава начальнаго про-
 „тивъ себя возмущенія и пайная
 „пружина наступающей брани предла-
 „гаетъ тебѣ условія!—Не Пелопидъ, я
 „вооружилъ громами опдыхающія длани
 „Фивянь. Я пролилъ въ сердца ихъ
 „доблестное, ошъ постыднаго рабства
 „отвращеніе. Я покрылъ доспѣхами
 „согбенные хребты спарцевъ и сла-
 „бья рамена опроковъ. Я, пренебре-
 „гаемый побою имѣть силу преломить
 „царственный пвой въ Фивахъ жезль.
 „Не сей, шoliko спрашный тебѣ
 „храбраго Пелопида мечъ, — мои уста
 „готовяшъ гибельное Спаршѣ пораже-
 „ніе! Она не одолѣетъ грозящей ей
 „опасности до шѣхъ поръ, пока не
 „престанетъ дышатъ безшрепетно
 „разглагольствующій Эпаминондъ. Я
 „предаю его тебѣ. Государь! возврати
 „свободу безвинно-наказуемаго Пелопи-
 „да, и главою опаснаго швоего врага,

„замѣни драгоцѣнную мнѣ главу моего
 „друга. Крѣпкія мышцы одного воина
 „несильны сорвать блистательной
 „съ главы твоей діадемы. Ты проши-
 „вупоставишь имъ многіе полки; но
 „кого прошивупоставишь ты убѣжде-
 „нію моихъ ушь. Я молю у тебя Пе-
 „лопидовыхъ оковъ, молю угопованной
 „ему казни.“—

Агезилай пребылъ нѣсколько мгно-
 веній недвижимъ. Чуждая до нынѣ по-
 няшію его сила дружества, великоду-
 шіе Эпаминонда и смѣлая рѣчь сдѣлали
 его безгласнымъ. Ярый за дерзкіе слова
 гнѣвъ, и невольное къ добродѣтели
 почтеніе раздѣляли, такъ сказашъ его
 на двухъ, одинъ другому враждующихъ
 человекъ. — Вѣдаешь ли ты, возразилъ
 онъ потомъ,—вѣдаешь ли, дерзкій юно-
 ша, тяжесъ руки мспящаго Агезилая?
 Поспигаешь ли люшосъ мукъ, кото-
 рыя приготавлиаешь правосудіе его
 буйному возмущителю? Ты ли, домаш-
 нимъ кровомъ разслабленный удобенъ
 подьяшь неукротимый мой гнѣвъ? Въ

обильныхъ ли рѣчами своихъ устахъ ласкаешься обрести силу къ пренесенію ужасной, Пелопиду угопованной казни; или мнишь, очаровавъ ими мой умъ, преклонишь меня къ жалости и милосердію?

„Нѣтъ“ — отвѣщиваетъ Эпаминондъ — „жалость не существуетъ въ „сердцѣ тирановъ! Кто неправедно „подъемлетъ оружіе, тому милосердіе „чуждо. Почему, какъ робкаго опрока, „меня испытujesz ты, и мнишь устрашишь лютою мукъ? Я не принадлею къ презираемому мною своему могоуществу, не отверзу устъ на моленіе себѣ пощады, и не употреблю „низпосланнаго мнѣ богами дара въ „ласкашельство злодѣю!“

Агезилай восклицаетъ гнѣвомъ. „Дерзкій!“ — прерываетъ онъ — „царю ли „осмѣливаешься изрыгать безумныя „сіи хулы?“—

„Не имя, и не степень содержатъ „въ покорности чужеземцевъ“—отвѣщиваетъ Эпаминондъ. „Я чшу царя,

„когда подвиги его и правота суть
 „царскіе; но презираю угрозы его, и
 „вижу въ немъ одного моего прошив-
 „ника, когда не уразумѣвъ достоинства
 „діадемы, вѣроломно нападаешь онъ на
 „своихъ союзниковъ, и дерзаетъ по-
 „рабощить къ свободѣ рожденныхъ.
 „Агезилай въ очахъ моихъ есть пре-
 „супный нарушителъ правоты!“ —

Воины! возклицаешь Агезилай, воз-
 мигше дерзновеннаго! — „Меня! — Меня
 „безоружнаго?“ — гордо вопрошаетъ
 Эпаминондъ. Тебя, — съ презрѣніемъ
 произносишь Агезилай. Воины пови-
 нующся. Эпаминондъ изторгаетъ у пер-
 ваго коснувшагося къ нему мечъ, и
 сбѣвши единымъ махомъ ему главу,
 воздаешь невинному исполнителю за
 несправедливость повелѣвающаго. Какъ
 пожашые классы, падаютъ прошив-
 н ле къ его ногамъ. Очищая себѣ опъ-
 ятымъ мечемъ путь, впоргаешь онъ
 въ среду хранящей Пелопида спражи.
 Началась всеобщая сѣча Воинства
 ударяющъ другъ въ друга. Мужесшвен-

ный Харонъ даетъ повелѣніе начальствующимъ, возбуждаетъ ратниковъ и подоспѣваетъ съ Священнымъ полкомъ къ Эпаминонду на спасеніе его друга. Узы Пелопида разшоргнуты; но полученная имъ наканунѣ рана опкрывшись изшощевала его, и препятствовала держаться на ногахъ. Харонъ провождаетъ его подъ прикрытіемъ щиповъ къ Фивскимъ стѣнамъ. Вскорѣ и самъ великодушный сей мужъ послѣдовалъ за нимъ еще въ большемъ изнеможеніи. — Преломившаяся въ плечѣ его стрѣла, и данный мечемъ въ голову ударъ, причиняли ему столь нестерпимую боль, что онъ опнесень былъ въ свой домъ. Эпаминондъ именемъ сената провозглашаетъ себя начальникомъ всего ополченія, и вступа въ упраздненную Харонову должность, оправдываетъ смѣлое свое самонадѣяніе полнымъ непріятели разбитіемъ.

До сихъ поръ Греція и Лакедемонъ видѣли въ Эпаминондѣ великаго философа и оратора; отнынѣ познають

они въ немъ спольже великаго полководца, храбраго воина, и прозорливаго полкика. Разположитъ выгоднымъ и всегда новымъ образомъ войско, захватитъ удобнѣйшія мѣста, воспользуется слабостію и недосмотрѣніемъ непріятели, поставитъ ему сѣти, и заблаговременно ускользнуть ошъ уготованныхъ имъ было во всѣхъ браняхъ совокупнымъ Эпаминонда дѣйствіемъ, такъ что едвали самъ Пелопидъ превозходилъ его когда въ сихъ знаніяхъ. Исторія, въ каждомъ случаѣ представляеть его намъ за истинный образецъ всѣхъ воинскихъ добродѣтелей и неколебляся помѣщаетъ въ число самыхъ искусныхъ военачальниковъ, какими только славится древность. Знаменишая надъ Спартанцами побѣда была первымъ его на Марсовомъ поприщѣ шагомъ, но koliko смѣлъ и вѣренъ сей шагъ! Неприсятель разбитъ, побѣжденъ, убѣжалъ, — и Фивы спасены.

Пошрявъ неболѣе, 400 согражданъ,
и покрывъ поле шрупами прошивныхъ,
Эпаминондъ спавишь славные свои
шрофеи посреди Агезилаева спана,
и шоржеспвенно вступаешъ въ Ѳивы.

Здѣсь ожидаете вы награды, уго-
пованныхъ неслыханнымъ подвигамъ
Эпаминонда. Ошибаетесь! Вшорый спа-
ситель своего опечеспва, вшорый по-
бѣдшитель спрашнаго до Пелопида
непобѣдимаго врага, былъ призванъ къ
опвѣшпу за самовласпное возложеніе на
себя доспоинспва беопарха. Великій
мужъ сей не смушилъ неблагодарнос-
шю согражданъ! гордое чело его не измѣ-
нилось при собспвенной и совсѣмъ не-
ожидаемой напасши. -- „Еспшли поле
„наше,“ — опвѣшспвоваль онъ — „пок-
„рыпо шрупами неприяшелей, еспшли
„гордый Агезилай бѣжалъ съ оспаш-
„ками разбишаго своего ополченія,
„еспшли богашый вражій спанъ учинил-
„ся добычею нашею, еспшли Ѳивскій
„Полководецъ и самые Ѳивы спасены
„опъ единой моей руки безъ воли, безъ

„пособія сенапа, и слава поликихъ
 „дѣйствій принадлежиць одному мнѣ,
 „по радостно приму я казнь преступ-
 „ника, и умирая благословлю счастли-
 „вую мою судьбу.“ — Почти всѣ голо-
 са произнесли приговоръ въ пользу
 Эпаминонда. Онъ объявленъ невиннымъ,
 и плескомъ народа препровожденъ до
 своего дома, гдѣ неизмѣнная дружба и
 всегдашняя признательность спасен-
 наго имъ Пелопида ожидали его, и гдѣ
 мысль о принесенныхъ отечеству у-
 слугахъ, дѣлая его счастливымъ, воз-
 буждала непрестанно къ новымъ.

Такимъ образомъ дѣйствовали со-
 вокупно, или такъ могли дѣйствовать
 два истинные друга, мужественные
 воины и вѣрные сыны отечества.

ВЕЧЕРЪ У КАМИНА.

Вечеръ у Калина.

Что такъ задумались, друзья мои? Никто ни словечка! Георгъ устремилъ взоры свои на Темира; — Темира на меня; — а я, на догорающіе въ каминѣ уголья и на маленькой, скачущій изъ крѣю въ край огнекъ Иванъ! подложи побольше дровъ. Между тѣмъ какъ розовое пламя разольется и будетъ поядать ихъ, я расскажу вамъ исторію, которую съ толкимъ не перпѣніемъ желали вы отъ меня слышать, — и длинный Декабрьскій вечеръ покажется намъ немного поменьше. — О! какъ охотно Темира придвигаетъ свой спуль! довольно, друзья мои, — слушайте!

Опершись на свою руку задумчиво сидѣла бѣдная, горестная Нина подъ вѣшвисшимъ деревомъ. Вѣтеръ игралъ складками праурнаго ея плащя, и развѣвалъ по своей волѣ шонкимъ кисейнымъ покрываломъ. Чистая прозрачная рѣка капилась у ногъ ея; серебряныя волны плескали на песчаный, оплогій берегъ; вдали плавали рыбачьи лодки; удары весель повторялись ушреннымъ эхомъ, сливаясь съ шумомъ столѣтней сосновой роци; въ правой споронѣ блистали золотыя главы великолѣпной столицы; лѣвая украшалась садами, селами, увеселительными домиками; въ долинахъ песпрѣлись многочисленныя спада, и различныя купы прудящихся поселянь придавали сей прелестной картинѣ живой образъ.

Солнце свѣшило еще съ воспока; лучи его не палили, но согревали. Веселыя пшичьки воспѣвали приятныя пѣсни; громкія свирели паспуховъ заглушали ихъ повременамъ своими

шрелями; услужливые зефиры, спрясая съ цвѣтовъ благовонный запахъ разливали его въ воздухъ; другіе, — свѣвали съ воды прохладу: все чувствовало вліяніе очаровашельныхъ прелестей ушра; все, — отъ маленькой правки до высокаго дерева, отъ землянаго червяка до человѣка; все, — выключая бѣдной Нины. Товарищи ея гуляли по мягкому зеленому дерну, любовались стройными васильками, смиренною фіалкой, и весело глядѣли на всѣ предметы; а Нина, устремля неподвижные взоры на кающіяся одна за другою струи, думала о прошекшихъ дняхъ своей жизни, — о своихъ горестяхъ, — чаще же всего о Тимонѣ. О, смерть! сказала она наконецъ, въ ужасномъ ожесточеніи сердца, выдергивая съ корнемъ свѣжую праву и ломая молодые побѣги дерева, о смерть! всегда ли щещно призывать я себя спану! Вдругъ большая, черная тѣнь упала къ ногамъ Нины; она подняла голову, взглянула и видишь, — кого же?

Тимона Боже! закричала она, — и бросилась бѣжать, куда сама не знала. Громкій голосъ ея отозвался повсюду утѣсахъ; испуганныя пшички прижались къ вѣшкамъ, и вдругъ все замолчали.

Бѣдная Нина бѣжала столь проворно, что едва землѣ касалась. Бѣжала безъ цѣли, ни чего не видя передъ глазами; ударялась о каждое дерево и конечно бы упала въ воду, есѣли бы Клермонъ и Юлія не предупредили сего несчастія. „Что съ тобою сдѣлалось милая, любезная Нина?“—кричали они поспѣвая къ ней на помощь. Ахъ! — спасите меня! „Бога ради скажи что такое?“—Ахъ! я его видѣла „кого?“ — Тимона. Они вздрогнули, — окинули испуганными глазами все стороны, и сами увидѣли его вдали, съ опущенною головою, съ поджатыми руками, какъ очарованнаго на одномъ мѣстѣ стоящаго. Тутъ Клермонъ сказалъ нѣчто Юліи науху, взялъ Нину подъ руку, посадилъ въ карешу

и приказалъ кучеру какъ можно скорѣе ѣхать домой. Но въ чувствованіяхъ Нины произошла тогда величайшая переменѣна. Незапное появленіе Тимона привело ея въ ужасъ; когда же первые движенія утихли, тогда любовь заняла опять свое мѣсто. Сжалъсь надомной, сказала она имъ голосомъ, удобнымъ смягчить и самаго пуга, сжалъсь! пустьте меня къ нему. Они молчали, усуремляя другъ на друга сомнительные взгляды, а Нина принимая по за нѣкопорый родъ согласія, еще жалобнѣе начала умолять ихъ, и бросилась предъ ними на колѣна. По блѣднымъ ея щекамъ капилась слезы и упали на ихъ руки, которыя осыпала она своими поцѣлуями. — „Нѣтъ, Нина!“ сказалъ наконецъ Клермонъ рѣшишельно. — Жестокой! ни слезы мой, ни соспоаніе, въ которомъ ты меня видишь „Другъ мой, милая, любезная „Нина! всегдали будешь ты безразсудною? или униженіе твое невозбуждаешь въ тебѣ должнаго честполюбія? —

„или ты мало оскорблена, — обижена?
 „Я не узнаю тебя! не узнаю робкую,
 „стыдливую и припомь гордую мою
 „Нину; спрась помѣшала въ ней умъ,
 „изтребя всѣ благородные качества
 „души. Подумай Нина! — возобнови въ
 „памяти швоей всѣ слѣдствія шой
 „слѣпой, пагубной спрасши, — и она по-
 „гаснешь непременно.“ — Ахъ! дайше
 взглянуть только одинъ разъ, — и я бу-
 ду повиноваться вашимъ законамъ. —
 „Нѣтъ! честь запрещаетъ мнѣ.“ — И
 шакъ я уже болѣе его не увижу? — „не
 „увидишь, или потеряешь мое уваже-
 „нне.“ — Никогда? во весь мой вѣкъ? — Ни-
 „когда!“ — голосъ его дрожалъ при про-
 изнесеніи грознаго сего приговора.

Клермонъ любилъ Нину, какъ нѣж-
 ный отецъ, хошя былъ ей дальнѣйшій
 родственикъ. Взаимная, непорочная
 склонность связала ихъ сердца; а чис-
 шота нравовъ укрѣпила связь сію.
 Онъ пекся о благосостояніи ея какъ
 о своемъ собственномъ. Порошинка,
 упавшая на добрую ея славу, бременила

его, какъ нѣкая тяжестъ, чтоже почувствовалъ онъ узнавъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ ея страсти! Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ; а теперь бросимъ еще одинъ взглядъ въ волнуемое различными чувствованіями и сражающееся съ собою сердце Нины. Она произнесла клятвенный обѣтъ не любить Тимона, не думать о немъ и никогда не искасть случая его видѣть; но любить его теперь съ болшею силою, — но думаешь о немъ ежеминутно, но желаешь — но ищешь случая его видѣть: и цѣлый годъ продолжавшіеся труды разсудка разрушились одною минутою. О! страсти, страсти! гдѣ по гибельное начало, которое влило васъ въ составъ человѣка! Если бы баснь, о похищеніи небеснаго огня была справедлива; Прометей! ты слишкомъ мало страдалъ бы тогда за пагубный даръ, принесенный побою на землю отъ бессмертныхъ!

Пршелъ день — настала ночь, и шамѣилась новымъ; прошло три, чешы-

ре дни, прошло ихъ много; но Нина ничего не видитъ, ничего не слышитъ, не понимаетъ ничего и ни о чемъ не думаетъ, кромѣ одного Тимона. Войдетъ ли кто въ комнату, — и его образъ сославится въ ея воображеніи. заговоришь ли кто, — точно слышатся звуки его голоса; мелькнешъ ли что въ глазахъ ея, — и нѣкогда видѣнная ею тѣнь потчасъ упадаетъ на полъ: она вскрикиваетъ, — потомъ спыдится мечпы своей, безпреспанныхъ своихъ ошибокъ, — и вновь предается имъ. Но время посѣпите намъ вѣшреннаго, молодаго челоѣка въ уединенной его спальнѣ и узнать совершенноли онъ шамъ спокоень. — Нѣтъ! покрайнѣй мѣрѣ на нѣкопорое время не могъ бытъ шаковымъ.

Желая насладитъся свѣжестію упура, Тимонъ привлечень былъ случаемъ на одну съ Ниною долину. Онъ не только не знаеть о приѣздѣ ея въ споллицу; но былъ увѣренъ даже, что море и многія тысячи верстъ раздѣляютъ ихъ. Одно

простое любопытство заставило его споль близко пройти мимо сидящей под деревомъ въ глубокомъ траурѣ, и въ глубокой задумчивости женщины; Нина подняла голову и заставила себя узнать пронзительнымъ своимъ крикомъ. Споль неожиданная встрѣча,— испугъ Нины, громкій ея голосъ и скорый побѣгъ превратили его на нѣкоторое мгновеніе въ испугана. Онъ споялъ какъ прикрѣпленный къ землѣ, не въ силахъ будучи отдѣлить ногъ своихъ отъ оной, ни даже произнести одного слова. — Пришедъ въ себя хотѣлъ было броситься въ слѣдъ за нею; но опасаясь чрезъ то увеличить ея страхъ былъ въ нерѣшимости. Нѣсколько разъ двигался впередъ,—возвращался, опять двигался,—опять возвращался, кончилъ наконецъ тѣмъ, что проводя глазами ея карету, ни мало не медля уѣхалъ въ свой домъ. Тамъ первая его мысль была послать за Адольфомъ, повѣреннымъ Нининыхъ тайнъ; но къ несчастію его не нашли дома. Безпо-

койный Тимо́нъ не обѣдалъ пошъ день, ни гдѣ не былъ и самъ ни кого не принималъ, даже не спалъ почти всю ночь. Женщина въ черномъ плашѣ, подъ развѣвающимся покрываломъ безпрестанно была въ его воображеніи, и едва лишь сонъ начиналъ смыкать его глаза, какъ громкій ея крикъ открывалъ ихъ опять. Бѣдная, бѣдная Нина! о, сколь дорого я тебѣ стою! произносилъ онъ сквозь сна, и вскакивалъ съ поспѣли. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ своему бюро, отодвигалъ ящики, задумывался надъ ними, вздыхалъ,— и солнце поздравило его съ новымъ утромъ среди сихъ печальныхъ занятій. Каждые пять минутъ поглядывалъ онъ на часы, дивясь медлѣнному ихъ ходу. Въ домѣ всѣ еще спали; но неперпѣливый Тимо́нъ не въ силахъ былъ дожидаться долѣе. Онъ послалъ разбудить Адольфа, приказалъ просить его къ себѣ,— и вошъ что они говорили между собою:

Т и л ò н ъ.

Нина здѣсь. Какъ могло случиться, что я не слыхалъ опъ тебя о томъ ни слова?

А д о л ь ф ъ.

Нины нѣтъ здѣсь. Тебѣ сказали не правду: пространное море прошекаетъ между нами и несчастной.

Т и л ò н ъ.

Какъ сказали! я самъ ее видѣлъ.

А д о л ь ф ъ.

Когда?

Т и л ò н ъ.

Вчера поушпру,—въ долину В.

А д о л ь ф ъ.

О, какая мечта! Только за одно сегодняшнее ушпру не могу я тебѣ опвѣчать; впрочемъ увѣренъ равно, какъ въ своемъ существованіи, что черезъ при часа по ея приѣздѣ я зналъ бы о томъ опъ нея самой. Въ подтвержденіе,—возьми и прочти письмо, полученное мною опъ нея на прошедшей

почтѣ. Тимонъ прочель; потомъ рассказалъ о женщинѣ, сидѣвшей подъ деревомъ, о скоромъ ея побѣгѣ и о всѣхъ подробностяхъ того происшествія. Адольфъ увѣрялъ его, что случайное сходство въ видахъ сыграло съ нимъ странную сію шутку, и желая поскорѣе разрѣшить всѣ сомнѣнія поѣхалъ въ тотъ же часъ къ Эмилиі, родной сестрѣ Нины, которая ни когда не оплучалась изъ города; слѣдовательно первая должна была знать о ея прибытіи.

„Не тѣнь ли сестры моей видѣлась ему, сказала Эмилиа, тяжело „вздохнувъ“ — и поклялась, что точно Нины нѣтъ въ городѣ. Адольфъ въ томъ же поклялся Тимону и первая тишина опять вспушила въ души всѣхъ троихъ.

Адольфъ и Эмилиа клялись непришворно; приѣздъ Нины былъ тайною для всѣхъ. Цѣлый мѣсяцъ жила она подъ однимъ съ ними небомъ, но ни кто того не зналъ; потому что до

самаго роковаго сего упра не дѣлала она ни единого изъ дома шага. Тупъ, будучи упрощена своимъ дядею. и полагаясь на продолжительный сонъ городскихъ жителей, поѣхала съ нимъ въ долину В. гдѣ видъ Тимона удвоилъ ея несчастія. Клермонъ, испуганный сей неожиданной встрѣчей, желалъ бы тогда же уѣхать изъ города; но нѣкоторыя дѣла понуждали его еще на двѣ недѣли въ ономъ оспаться.

Бѣдная Нина заключилась въ комнату свою, какъ пресупница; не только не осмѣливалась выходить на крыльцо, но даже не садилась у окна иначе, какъ ночью: ибо со времени послѣдней своей прогулки не знала она, что такое есть сонъ. Любя тихіе звуки лиры, однажды во время всеобщаго сна и глубокой ночной тишины, осмѣлилась она сѣсть подъ открытымъ окномъ, взяла любимый свой инструментъ, проиграла на немъ нѣсколько унылыхъ прелюдій; потомъ приспоя къ нимъ слабый свой го-

лось запѣла слѣдующіе, сочиненные
ею куплеты :

Когда все предано покою,—
Средь мраковъ, въ тишинѣ ночной
Одна, сраженная судьбою
Томлюся въ горести я злой.

На черныхъ крыльяхъ сны спустились
Украшешь зло, смягчишь напасть;
Законамъ общимъ покорилась
Печаль и радость, рабъ и власть.

Все тихо,—мирно и въ темницахъ,
Цѣпями узникъ не гремишь;
На блѣдныхъ,—изпомленныхъ лицахъ
Исчезла скорбь: вездѣ все спишь.

Судьбы лишь Нину разлучили
Съ покоемъ общимъ, съ тишиной;
Ей пламеньъ страстный въ сердцѣ влили:
Законъ, увы! у спроси свой!

Твои усшавы самовластны,
О, мощна спросишь! тебѣ одной
И гордосишь, и умы подвластны:
Ты власть,—законъ себѣ самой!

Не Нина бѣдная виною,
 Чшо сердце бьется въ ней, горитъ,
 Чшо взоръ унылый и весною
 Повсюду мершву осень зришь.

Ональ любви ядъ породила?
 Любовь сама закралась въ грудь,
 И острую стрѣлу вонзила;
 Сама къ душѣ открыла путь!

Люблю . . . безспрашнаго Тимона!
 Томлюсь,—но буду вѣкъ любить;
 Умъ слабая въ любви препона!
 Люблю.. чшобъ вѣчно слезы лишь.

Когда холодный убѣгаетъ
 Тѣхъ мѣспъ, гдѣ я ищу его,
 Тогда смерть въ жилахъ пропекаетъ:
 Посыло все,—бѣгу всего.

Какъ пѣнь пресшупная скишаюсь,
 Одна, далеко отъ людей;
 Въ пустыняхъ дикихъ укрываюсь,
 Нося шоску въ груди своей.

Спенанья камнямъ повѣряю,
Они имъ внемлюшь лишъ одни;
Годами сущки измѣряю;
Въ часахъ, въ минутахъ вижу дни.

Гдѣ онъ — тамъ счастье обитаетъ:
Тамъ миршы, лиліи цвѣтутъ;
Гдѣ нѣтъ, — тамъ мирша увядаетъ:
Тамъ сердце фуріи грызутъ.

И жизнь по немъ я ощущаю,
Любовь къ другимъ, къ себѣ самой:
Онъ солнце, коимъ освѣщаю
Иль рай земный, иль шаршаръ свой.

Несите мраки! вздохи Нины
Тимону въ грудь, — смягчишь ее;
А вы, пещеры и долины!
Спенанье слышно гдѣ мое,

Скликайте эхо, — повшорите
Мою любовь, мученье, спонъ;
Неблагодарнаго шроните;
Но ежели васъ спросишь онъ:

„Почто споль рано вы увяли?“ —
Луга! отвѣстуйте ему:
„Здѣсь бѣдной Нины слезы пали,
„Пожгли, какъ пламенемъ шраву!

„И Нина также увядаетъ:
 „Смотри! томна, блѣдна, какъ тѣнь!—
 „Какъ призракъ робкаго пугаетъ:
 „Безъ цѣли бродитъ ночь и день.“—

Внемлите мраки, воздухъ, стѣны!
 Всѣ муки Ада я шерплю!
 Неблагодарнаго несу измѣны;
 Спрадаю, — мучусь, — но люблю

Время опъ времени голосъ Нины начиналъ измѣняться, ослабѣвать. — Тяжелые вздохи прерывали его. Звукъ лиры дѣлался тише, — тише, — исчезали: наконецъ совсѣмъ исчезли; слова умирали на устахъ, — руки дрожали, — и лира сама собою скатилась съ колѣней. — Свѣшлый лучъ мѣсяца, играя въ препещущихъ ея слезахъ упадалъ на паркетный полъ и образовалъ на немъ серебряный, блестящій столпъ. — Художникъ! желаешь ли изобразить страдалицу? — возьми кисть. Вотъ истинный образецъ скорби душевной

Нина вспала, ходила по горницѣ, садилась, — опять ходила. Вдруг подулъ сильный сѣверный вѣтеръ; лазоревое небо обложилось шучами, полная луна скрылась заними, и ужасная шемнопа заступила ея мѣсто. Брызнулъ рѣдкой, косой дождь; крупныя капли его зашучали о кровли домовъ. Нина смошрѣла, слушала и думала: о! какъ непостоянно все въ мѣръ семь! — Все выключая моихъ горешей! Мысли ея не шекли, но подобно морскимъ, кипящимъ волнамъ неслись спремишельно одна за другою. Долго сидѣла она, не перемѣняя своего полсженія, подперши обѣими руками голову. Въ сосѣднемъ домѣ ударило два часа. Вѣшеръ ушихъ, крупныя водяныя капли раздѣлились на мѣлкя, дождь пошелъ сильный, частый, падалъ прямо и производилъ глухой, единообразный шумъ. Самый свѣжій, живошворный воздухъ обвѣялъ Нину. — Вошъ новая перемѣна, подумала она, почувспвовала влеченіе ко сну, вспала съ шѣмъ, что

бы закрывъ окно ишли въ свою комнату, но вдругъ слышишь шорохъ, и потомъ различаешь голоса. Послушаемъ и мы, что говорили подъ ея окномъ.

Первый голосъ.

Развѣ не знаешь ты, что онъ спитъ съ заряженными пистолетами?

Второй голосъ.

О! очень знаю; но не безпокойся,—плушовка Наспенька спроворитъ все. Она войдетъ на пальчикахъ въ его комнату, сниметъ со стола пистолеты, отпереть дверь и будетъ дожидаться насъ въ прихожей. Ахъ! если бы ты зналъ, какъ эта малюшка меня любитъ! Съ тѣхъ поръ, какъ мы условились сдѣлать столь приятную и выгодную для обѣихъ насъ мѣну, то есть: какъ она обѣщала мнѣ вручить сундуки своего дяди; а я ей съ обручальнымъ кольцомъ свою руку,—съ тѣхъ поръ воспряла о томъ только и думаетъ, какъ бы спараго хрыча

отправитъ скорѣе къ его прапрадѣ-
дамъ.

Первый голосъ.

Все это очень хорошо; но отпра-
вленіе-то однѣми руками, безъ помо-
щи орудія, кажется мнѣ нѣсколько за-
труднительно.

Вторый голосъ.

А щипать имперіалы однѣми ру-
ками кажется ли тебѣ затруднитель-
но?

Первый голосъ.

Хорошо, хорошо, такъ и быть...
Но коротко ли тебѣ знакомы всѣ вхо-
ды и выходы этаго дома?

Вторый голосъ.

Какъ собственнаго своего.

Легко всякой представить себѣ
можешь, что чувствовала Нина, слу-
шая ужасный сей разговоръ. Волосы
поднялись на ея головѣ, сердце шре-
пешало, духъ занимался, руки и ноги
дрожали. Она прижалась къ стѣнѣ, не

смѣя перевести дыханія, дабы не обнаружилъ себя, ибо злодѣи были подъ ея окномъ; не знала что предпринять: иппи разбудилъ Клермона,—они уйдутъ и ударъ свершится; самаже безсильна была подать какую либо помощь, только молила провидѣніе, да спасетъ оно несчастнаго премудрымъ своимъ промысломъ, и да внушитъ ей средство остановить злодѣйство. Но послушаемъ, чѣмъ все сіе кончится.

Первый голосъ.

Далеко ли намъ еще иппи?

Вторый голосъ.

Черезъ три двора отсюда.

Бьетъ въ толъ же долъ четверть часа.

Первый голосъ.

Не пора ли уже?

Вторый голосъ.

Пора, пора! Вопь-какъ въ этомъ желшомъ домѣ ударитъ половина прешьяго, тогда мы должны спояшь

на крыльцѣ: это условленный между нами съ Настенькою знакъ

Первый голосъ.

Такъ пойдѣмъ скорѣе.

Слышенъ шорохъ отъ ихъ движенія.

Нѣтъ! — Вы не пойдете злодѣи! закричала Нина во весь голосъ. Правосудіе спережешъ васъ. Прежде нежели ударитъ роковой звонокъ, Настинька—фуриѣ будешь въ рукахъ полиціи, и ударъ грома разразится надъ вашими главами!

Приведенные въ ужасъ разбойники отскочили отъ дома. Минуту спустя влетѣлъ въ окно пистолетный выстрѣлъ, свистнулъ мимо самой головы Нины, зацѣпилъ даже занавѣсъ, съ которыми она стояла рядомъ, и пуля оспалась въ стѣнѣ. Нина пошатнулась, однако не упала отъ страха. (Довольно присутствія духа для дѣвицы, впрочемъ робкой и слабой!) Клермонъ и Юлія испуганные выстрѣломъ, не помня сами себя прибѣжали

къ ней на помощь. Она рассказала имъ все слышанное. Разбойники скрылись. Положено было шуже минушу послать въ полицію съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ сихъ происшествій, и съ требованіемъ спражи для охраненія своего и всѣхъ сосѣдственныхъ домовъ.

Остатокъ ночи проведенъ былъ въ хлопошахъ, разсылкахъ, разговорахъ, копорыя бывають обыкновеннымъ слѣдствіемъ каждой, и менѣе ужасной новости. Никто не осмѣлился лечь въ постелю. Домашніе, господа, всѣ отъ мала до велика, были заняты однимъ предметомъ. Впечатлѣніе страха, хотя уже минувшаго, шоль сильно подѣйствовало на всеобщее воображеніе, что каждый шрепешаль предсавляя, въ сколь близкой опасности находилась любезная ихъ Нина, и что драгоценная для нихъ ея жизнь зависила отъ одного случайнаго движенія головы. Одна Нина сидѣла покойно подлѣ того же самаго окна, и

произшествіе ночи подало ей поводъ къ глубокимъ размышленіямъ.

Мраки начинали уже рѣдѣть; алая заря разлилась по восточному небу: но всё еще было тихо и спокойно. О, человѣкъ! думала Нина, — естли что лучше и что хуже тебя во всей обширной природѣ! Смѣсь двухъ величайшихъ крайностей! Развѣ она неминуемо должна быть въ своемъ составѣ? Развѣ зло необходимо въ мірѣ? Глаза мои вспрѣчають два текущіе рядомъ источника: воды одного свѣшлы, прозрачны, цѣлительны; другаго мутны, и заражаютъ воздухъ вредными испареніями. Одному ли началу обязаны они произхожденіемъ? — нѣтъ! случай сблизилъ ихъ, а истоки разны; гдѣ же начало вшораго?

Любовь, — сей чистѣйшій огонь непорочнаго сердца, — сіе легкое, всеживящее, согревающее пламя, союзъ всего пространнаго міра, — начало всѣхъ великихъ дѣлъ, — всѣхъ добродѣтелей; любовь оскверняется устами разбойниковъ и дви-

жешъ руку къ преспуленію; а провидѣніе молчишь . . . Надъ курящейся, еще претещущей жертвой спроются олшари непорочному Гименею; а провидѣніе молчишь . . . Преспушники осмѣливаются простирашь другъ къ другу свои объятія чрезъ убивственнѣй, не оспывшій кинжалъ: кровавая пшшна не смылишь еще съ рукъ ихъ; а провидѣніе молчишь . . . Но сколь ужасно молчаніе его! О, Гименей! угаси на вѣки свѣшпильникъ швой, или прешвори имъ въ пепель гнусныхъ сихъ злодѣевъ! Да сгоряшь они собственнымъ пламенемъ!— А вы громы! разразишь надъ главами преспушниковъ, — ударышь въ нихъ, уштрашишь, попрядишь ужасомъ свирѣпья ихъ души, чшобы ни какое чувствованіе кромѣ мучишельныхъ грызеній совѣсти не было извѣшно злодѣю! Чшобы шѣни убіенныхъ, или гонимыхъ ими жертвъ денно и ношно преслѣдовали ихъ, мечшались имъ въ каждомъ сновидѣніи, и унылымъ стономъ пробуждали ихъ для спрашныхъ ощу-

щеній разкаянія! Что бы злобный хохотъ Адскихъ фурій не давалъ имъ покоя ни на одну минуту!

Какъ! Ужели любовь порочныхъ душъ есть одно чувствованіе съ шѣмъ, копорое пишу я къ Тимону?—Когда бы онъ, по комъ изсыхаешь мое сердце, могъ обременить совѣсть свою злодѣяніемъ,—ужели бы и тогда спала я любивъ его съ равною спрасшію?—Любить! что я говорю! При одной о томъ мысли сіе сгарающее, не могшее остыть отъ ужасной его холодности сердце замерзаетъ вдругъ, подобно быспрому водопаду, незапно, силою могущихъ льдовъ окованному, замерзаетъ, — и болѣе не бьется

Тутъ новая картина представилась ея глазамъ. Синій цвѣтъ неба уступилъ бѣлому; большой огненный шаръ появился на горизонтѣ. Злапые его лучи блеснувъ въ простиранные концы вселенной, отразились на гладкихъ куполахъ высокихъ храмовъ, и на полированныхъ стеклахъ красивыхъ до-

мовъ. Все ожило въ природѣ, — все проснулось: пшички для радостей и свободы; а человекъ для горестей и заботъ! — Для чего горишь ты величественное свѣшило, спросила Нина тяжело вздыхая? — Увы! что бы согрѣвать преступниковъ и освѣщать слезы несчастныхъ! —

Въ самую сію минуту вошелъ Клермонъ, за нимъ слѣдовали чиновники и прочіе служители полиціи. Они сдѣлали Нинѣ вопросы, записали ее оповѣшны, обязали подпиской не оплываться изъ дома, опкланялись и уѣхали.

Прошло нѣсколько часовъ, — всѣ успокоились. Чувствованіе добраго дѣла занимало душу Нины; она забыла на время собственныя свои горести и радовалась, что могла быть полезна. Вдругъ появляется прежде бывший офицеръ съ требованіемъ ея къ начальству. Бѣдная смутилась. Ипакъ! шайна моя должна обнаружиться, думала она; развѣ не могу я встрѣшиться его шамъ, или гдѣ на дорогѣ? — Боже

мой! что будетъ сомною!—Она отговаривалась, представляла всѣ причины: свой испугъ, ночь проведенную безъ сна, головную боль; но ни что не помогло. Она не была извѣспна, не была знашна, ни богата, слѣдовашельно причины ея оспались безъ уваженія.

Пяшь разъ возили Нину въ домъ намѣспника, хошя порядокъ дѣль и не-пребоваль шого нимало. Трепещуща и робка, едва держася на ногахъ входила она каждый разъ съ пошупленными, боязливными взорами. Малѣйшее движеніе въ комнашѣ, малѣйшій шорохъ, скрипъ дверей: все удвоивало біеніе ея сердца. Она вздрогивала, блѣднѣла, краснѣла, — и подозрѣніе намѣспника нѣсколько разъ упадало на нее. Наконецъ провидѣніе сжалилось надъ несчастною. Злодѣи открышы, признались, ей возвращена свобода, дѣла Клермоновы приведены къ окончанію, — и споль нешерпѣливо ожидаемый часъ отпѣзда назначень.

„Ишакъ завшре, на солнечномъ возходѣ, мы поѣдимъ отсюда, говори-

ла Юлія съ поржешственнѣмъ видомъ своему мужу? “ Конечно другъ мой! опвѣчалъ онъ ей споль же весело.—Нина тяжело вздохнула и вышла вонъ. Охопнѣ бы она распалась съ душою, нежели съ тѣмъ городомъ, въ копоромъ живеть неблагодарный, нечувствительный, но при всемъ шомъ любезный сердцу ея Тимошь. Быть окруженною одними съ нимъ предметами, дышашъ однимъ съ нимъ воздухомъ, глядѣшъ на шже небо сосшавляло единственную и послѣдную ея опраду.

Безумная! говорила она себѣ самой, покомъ изсыхаешъ ты,— и для кого текупъ сіи обильныя слезы! Ужели Пигмаліонова чуда дожидашъся я спану? Нѣшъ! Прежде всѣ твердые мраморы смягчашъ опъ горячаго моего дыханія, нежели грубая душа сего неблагодарнаго чловѣка почувствувешъ комнѣ сосшаданіе! А мое сердце никогда не прохладншъ его холодношю: оно шогда шолько переспанешъ бншься для нечувствительнаго, когда пере-

станеть биться для жизни. — Скорѣ погаснуць всѣ многочисленныя небесныя свѣтила. Тупыя мысли ея были прерваны пронзительнымъ дѣшскимъ крикомъ. Она бросается къ окну. Прелестная малюшка, съ померпвелымъ лицомъ, какъ спирѣла лешѣла по пустой улицѣ опть преслѣдующей ея собаки; плащѣ ея было изорвано и страхъ усиливался ежеминутно. Нина забываетъ о шайнштвенномъ своемъ въ городѣ пребываніи, забываетъ о приличіи, сбѣгаетъ чрезъ балконный сходъ, беретъ испуганную въ свои объятія, и ни о чемъ не мыслитъ, кромѣ ея безопасности.

„Няня, няня! кричала во весь голосъ малюшка, поведи меня къ няни!“ —
 „Откуда ты милая и гдѣ швоя няня? —
 „Въ саду съ папилькой и съ маминькой.“ —
 „Въ какомъ саду? — „Въ прекрасномъ, гдѣ
 „много, много бѣлыхъ спашуй.“ — Нина
 была въ недоумѣніи, повпоряла различные вопросы, и по нѣкоторымъ шемнымъ опвѣшамъ плачущей заклю-

чила, что отецъ ея и мать должны находиться въ такъ называемомъ Государевомъ саду, куда рѣшилась наудачу ее проводить. — „Ахъ вопъ самые пѣ воробы“ — радостно сказала Лиза, (имя дѣвяти) бросаясь обнимать свою провожатую.

Пересунуя за ограду увидѣли онѣ людей, разсыпанныхъ по всѣмъ споронамъ сада взадъ и впередъ съ безпокойствомъ бѣгающихъ. Лиза! Лиза! Лизень! раздавались ихъ голоса. — „Меня, Ахъ! меня кличуть . Папинька, маминька не пугайшесь! я здѣсь!“ — Поздняя предосторожность! Бѣдные родители были уже испуганы, — и испуганы со всею чрезмѣрностію. Тщешно обшекали они всѣ углы пространнаго сада, тщешно наполняли воздухъ именемъ своей любезной дочери; одно эхотаящееся въ пустыхъ комнатахъ огромнаго дворца откликалось имъ. Глубокіе, пересѣкающіе во многихъ мѣстахъ шотъ садъ каналы, и широкій, заключающій его прудъ, дѣлали стра-

хи ихъ основательными. Опчаянная мать бросалась съ одного берега на другой; то ударяла себя въ грудь, то ломала руки, или проспирала ихъ къ небу. Горестный отецъ старался бытъ разсудительнымъ, — или покрайней мѣрѣ казаться таковымъ. Онъ успокоивалъ безъумѣшную свою супругу, вливая въ душу ея сладостную опраду надежды; но слезы противъ воли капились по его щекамъ. Хорошая няня, неуступающая имъ въ горести, желала бы охотно потерю ихъ замѣнить собою, и за случайное нерадѣніе заплашить собственною жизнью. Не было человека, коего лице не изображало бы всего ужаса, незапнымъ бѣдствіемъ наведеннаго. И въ сію-то минушу общихъ воплей и страха появляешся Лиза въ провожаніи незнакомой. Какой оборотъ! все забыто. — Языкъ мой боишся ослабить воображеніе ваше, — и я замолчу.

Что бы понять то счастливое состояніе, въ которомъ находились

родители Лизы, нужно имѣть сердце,— и знашь цѣну пошери. Они бросались къ ней попеременно заключали ее въ свои объятія; обращались къ незнакомкѣ; благодарили ее не языкомъ, не сплетеніемъ кудрявыхъ словъ, — нѣшъ! благодарность ихъ изливалась въ несравненно краснорѣчивѣйшихъ выраженіяхъ: они благодарили ее признапельными взглядами, радостными слезами,— и Нина разумѣла языкъ сей лучше словеснаго. Она не могла быть холодною зрипельницею споль прогашельнаго явленія: давно—уже, очень давно не была она шакъ довольна собою, какъ въ шу минушу!

Невняшные, перерывчивые восклицанія были слѣдствиемъ первыхъ возторговъ; но когда они ушли, тогда разговоры сдѣлались вразумительнѣе и признапельность началась словесная.—, Вы Ангель! спаситель нашъ“— говорилъ чувствительный отецъ Лизы—, вамъ обязаны мы всѣмъ: своимъ ,спокойствиемъ,—нашоящими и будущи-

„ми радостями. Вы возвратили сердцу
 „родителей ихъ сокровище, и благодар-
 „ный Агапонъ тогда только признаеть
 „себя совершенно счастливымъ, когда
 „провидѣніе подасъ ему случай бытъ
 „вамъ въ чемъ нибудь полезнымъ.“ —
 При семъ имени, споль впрочемъ
 приятномъ для слуха и нѣжномъ въ
 произношеніи, Нина вся запрепепала.
 Что бы поддержать себя, она должна
 была прислониться къ стѣнѣ той бе-
 сѣдки, въ которую они входили, а за-
 няшый однимъ предметомъ радости
 своей Агапонъ, не замѣчая ея смуще-
 нія, продолжалъ изливашъ чувствован-
 нія сердца въ наипризнапельнѣйшихъ
 выраженіяхъ.—„Кто же ша“—спросилъ
 онъ наконецъ—„которой мы обязаны
 „спасеніемъ нашей дочери?“—Нина наз-
 валась Софьею Г.

Сей учпивый, ласковый и для од-
 ной только Нины ужасный Агапонъ
 былъ единственный другъ и повѣрен-
 ный всѣхъ шаинъ Тимоновыхъ. Ихъ
 души соспавляли нѣчто нераздѣльное.

Слѣпая привязанность послѣдняго къ первому имѣла иногда видъ страсти. Тимоѣй не смотрѣлъ ни на что иначе, какъ глазами своего друга. Онъ вѣрилъ ему, какъ язычники оракулу, и большею частію своихъ горестей Ни́на обязана была сему тѣсному ихъ союзу. Правда, Агашонъ не зналъ ее лично, но несчастія ея были ему совершенно извѣсны.

Бѣдная, пораженная новымъ громомъ, начиная приходиль въ себя желала потчасъ возвратиться домой; но Агашонъ препятствовалъ ей въ томъ.— „Я не опущу васъ одну“—говорилъ онъ—,сдѣлавъ небольшой рздыхъ, „мы сами проводимъ васъ до вашего „дома.“—Мнѣ ни какъ не возможно медлить, опвѣчала Ни́на.— „Только полчаса.“—Клянусь вамъ, что . Но чѣмъ болѣе дѣлала она отговорокъ, тѣмъ настоятельнѣе были ихъ прозбы. Соображаясь съ приличіемъ и опасаясь подвергнуться какому-либо подозрѣнію

принуждена она была наконецъ уступить ихъ желаніямъ

Блѣдность ея лица, робкіе взгляды и тихій голосъ, произвели въ душѣ Агафона и его супруги какое-то особенное къ ней вниманіе. Они не прищворно желали приобрѣсти ея знакомство, и даже еспыли по возможно, ея пріязнь. Не оставалось предмета, о которомъ не начинали бы они говорить, въ надѣяніи угодишь вкусу Нины, и односложные ея отвѣты сдѣлашь продолжительными. Они говорили о забавахъ городской жизни, о пріятностяхъ сельской, о наукахъ, художествахъ и проч. Но преданная гореснямъ своимъ Нина была подобна эху. Окаменѣлый языкъ ея не умѣлъ болѣе произнести, какъ да и нѣшь. Проворная Лиза не замедлила пересказать ей, что она имѣеть друга, который называется Тимономъ, и который шушливъ и забавень. Нина напомнила Агафону, что назначенныя полчаса прошли уже давно.—, Не смѣю

„противурѣчитьъ вамъ“—сказалъ онъ, „хотя съ сожалѣніемъ, но повинуюсь.“—
 Ахъ папинька! перехватила Лиза, вотъ что прекрасно, посмотрите кто пришелъ? Тимонъ съ Адольфомъ!—Нина оборотилась назадъ,—почто они Тимонъ! закричала она вовесь голосъ, и въ одно мгновеніе очутилась въ саду. Вся кровь охладѣла въ ней, сердце выльпело изъ груди, силы оставили, померкъ въ глазахъ свѣтъ, и она упала безъ всякихъ чувствъ на песчаную дорожку; а изумленные ея поварищи, подобно Діанинымъ обвороженнымъ нимфамъ, оспались всякой въ такомъ положеніи, какое кто имѣлъ прежде. Незнакомый, зайдя случайно въ сію бесѣдку, подумалъ бы, что онъ находишься въ кабинетѣ восковыхъ изображеній.

Адольфъ первый вышелъ изъ спрашнаго сего окамененія. Онъ бросился въ слѣдъ за Ниной, а Агапонъ подошелъ къ неподвижному своему другу.—„Софія знаетъ тебя! безпокойные

„свои взгляды говоряшь, что ужасная
 „пайна должна скривашься между
 „вами. — (Тимонъ опушилъ глаза въ
 землю.) „Ты молчишь! Твое смущеніе
 „Тимонъ! уже ли совѣсть воспаетъ
 „противъ тебя?...“ (Тимонъ продолжалъ
 молчать.) Боже! она умерла! закри-
 чаль Адольфъ, споя на колѣняхъ подлѣ
 бездушнѣй, охолодѣвшей Нины, и Ти-
 монъ въ то же мгновение побѣжалъ
 пуда; не хотѣлъ даже ни чьей помо-
 щи, одинъ перенесъ ее въ бесѣдку,
 употреблялъ всѣ средства для возвра-
 щенія ей жизни, и не отходилъ отъ
 нее ни на одну минушу.— „Какъ знаетъ
 „Софія моего друга“ — спрашивалъ не
 терпѣливый Агапонъ у печальнаго
 Адольфа? — Эшо Нина, отвѣчалъ ему
 потъ. „Нина!“ — повторилъ Агапонъ,
 невольно отступая назадъ,—и ужасная
 пайна не была уже болѣе для него загад-
 кою: теперъ все объяснилось вдругъ.

Блѣдная, бездыханная Нина лежала
 на деревянной скамѣйкѣ. Голова ее опро-
 кинулась назадъ; длинные волосы упали

на полъ, ихъ топпали ногами; наконецъ добрая Лизина няня сѣла подѣ нее и положила ея голову на свои колѣна. Послали за лѣкаремъ, послали въ ближнюю аптеку за спиртами; между шѣмъ брызгали на нее свѣжею водою; шерли виски; дѣлали всякіе, но щещные пособія. Адольфъ держаль холодную ея руку,—въ глазахъ его блиспали слезы; добросердечная Лиза рыдала надъ нею, споль же добросердечная ея мать шак же плакала: одинъ Тимонъ стояль съ сухими ресницами. Но страшные, неподвижно оспановившіеся на лицѣ Нины его глаза не показывали душевнаго спокойствія; губы его дрожали,—онъ былъ блѣдень и не говорилъ ни слова.

„Вотъ уже восемь часовъ“—сказаль Агапонъ своей женѣ—, „что будемъ мы съ нею дѣлать, когда она не скоро придетъ въ чувство?“—Повеземъ ее къ себѣ. „Но родные ея! — развѣ не станушь онѣ безпокоишься?“— Тутъ начали дѣлать Лизѣ вопросы, не

замѣтили она того дома, изъ котораго выбѣжала Нина. — Ахъ! маминька, опивѣчала малюпка, не ужели она пѣшкомъ пришла; вишь мы съ вами приѣхали въ каретѣ, навѣрное и у нее была шакже карета, но я со спраху того и не примѣшила. Нѣчего было болѣе спрашивать; а Емилию на пошъ разъ всѣ и позабыли.

Нина сдѣлала движенье.—и радостныя восклицанія раздались вокругъ ея. Всякой спарался какъ можно ближе къ ней подойти; всякой желалъ бышь ей полезнымъ; всякой,—выключая Тимона. Онъ спряпался за толпу слугъ и спалъ къ самой стѣнѣ. Отъ грубости ли сердца своего онъ сдѣлалъ шаккой поспупокъ, или щадя чувствительность Нины, или другія имѣлъ на то причины: это извѣстно лишь одному только ему.

Наконецъ мутныя глаза Нины открылись; она окинула ими всѣ окружныя предметы, гдѣ я? произнесла она слабымъ голосомъ. — Среди

друзей своихъ отвѣчалъ Агафонъ. — Она не могла ничего сообразить, все забыла; глаза ее сдѣлались дики и быспры. Но кто вы всѣ, и за чѣмъ окружаете меня? спросила она, по долгомъ молчаніи Тимонова друга, броса на него недоувѣрчивый и любопытный взглядъ. Агафонъ привелъ ей на память все прошедшее. „Вотъ та, копорая обязана вамъ своимъ избавленіемъ“ — сказалъ онъ, указывая на Лизу. — Помню, — помню . . перехватила Нина, въ невольномъ движеніи сердца отпалкивая отъ себя невиннаго младенца. Лиза оробѣла, простодушно взглянула ей въ глаза и обняла ее колѣна; а Нина закрыла руками свое лице. Всеобщее молчаніе послѣдовало за симъ.

„Позволили подойти къ вамъ „моему другу“ — спросилъ ее Агафонъ спуспя нѣсколько минутъ? — Какъ? Но будучи повпоряшь необдуманное слова убишой незапнымъ случаемъ, почти помѣшанной Нины? — Она упала на грудь Лизиной няни, желая

спряташь себя ошь глазъ цѣлаго свѣта.

„Ишакъ неудобно вамъ видѣшь мою друга?“ — опяшь началъ Агапонъ. Нина не говорила ни слова. — Какъ вы своенравны, милая Софья, сказала Лиза, виновашь ли въ шомъ Тимонъ, что вы упали и ушиблись; — зачѣмъ же вы бѣгали! Отець ея велѣлъ ей замолчашь, а самъ повшорилъ Нинѣ прежній свой вопросъ. — Пусть другъ вашъ слѣд ешь движенію своего сердца она не договорила. — Пусть поступаетъ онь по своему разсудку, — и Тимонъ стоялъ уже предъ нею.

Легкій, розовый румянецъ покрылъ все лице Нины. — Она не смѣла поднать глазъ, успремила ихъ на деревянную скамейку, на кошорой сидѣла и продолжишельное молчаніе господствовало между окружавшими ее. Тимонъ прервалъ оное. „Ваша болѣзнь была причиною смершельнаго моего страха.“ — Я не желала ни кого пугать; а еще менѣ васъ. — Тимонъ хотѣлъ взять ее

руку. Нѣтъ! сказала она, посмотрѣвъ на нее, видѣтели какъ высохла эша рука!—И новое послѣдовало молчаніе.

Нина кинувъ случайный на Адольфа взглядъ, въ удивленіи, съ горестію произнесла: Какъ!—и ты здѣсь! О, Адольфъ! Ужели каждаго явленія, гдѣ только бѣдная Нина играетъ униженную свою роль, ты долженъ быть непременно зрителемъ?—Адольфъ вздохнулъ; а она продолжала: Неумолимой судьбѣ угодно было избрать меня предметомъ своихъ гоненій! Неполько въ радостяхъ опознала она мнѣ, но и чувствованіемъ самымъ безкорыстнымъ, — невиннымъ, — чувствованіемъ добраго дѣла недопускаешь меня наслаждаться. Я спасла жизнь бѣдной жертвѣ корыстолюбія; пуля, которая была гоповлена незнакомому пролетѣла мимо самой моей головы; что же въ воздаяніе? — Обидное подозрѣніе, несправедливый арестъ, тысяча неприятностей. Душа моя ожесточи-

лась несправедливостями: добрый подвигъ не веселилъ ея болѣе. Вдругъ новое предспавляется испытаніе,— и она смягчается по прежнему. Помышляя о безопасности другаго забываю я о своей собственнѣй, спѣшу успокоить опчаянныхъ родителей, возвращаю имъ единственнѣе ихъ сокровище, проливаю съ ними радостныя слезы; а провидѣніе собираетъ для меня громы и поражаетъ въ самое сердце Она замолчала.

„Папинька!“—сказала Лиза „посмотрите: бѣдненькой Тимонѣ! какія крупныя слезы покапались у него по щекамъ.“—Нина взглянула, увидѣла слезы сіи,—и не могла уже долѣе владѣть своими чувствованіями.—Все,—все забуду, вскричала она, простирая къ Тимону объ свои руки .. Но вскорѣ опомнилась, поспѣшно вспала, чшобы опъ него уййти; къ несчастію,—слабыя ноги ея задрожали, подкосились и она вшорично упала.

Ради Бога, Агапонъ, дайше мнѣ

вашу карешу, сказала Нина, когда сажали ее на лавку. Съ превеликимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ; позволите женѣ моей васъ проводитьъ. — И мнѣ также примолвилъ Адольфъ. Подали карешу. Бѣдная съ спѣшеннымъ, спрадающимъ сердцемъ, вошла въ нее первая, за нею послѣдовали двое ея поварищей. Лошади двинулись; Нина бросила послѣдній взглядъ на спящаго подъ деревомъ Тимона; въперъ донесъ къ нему тяжелый ея вздохъ. Малинькая Лиза кричала Adieu! (простите) а Агапонъ предложилъ другу своему шайный разговоръ. .. Но сонъ смыкаетъ мои глаза! розовыя уголья начинаютъ погасать, всеобщая тишина напоминаетъ мнѣ порядокъ природы. Не будемъ нарушать успавовъ ея, друзья мои! — Пустъ дни наши посвящаясь прудамъ, вечера сказкамъ и забавамъ, еспли найдемъ ихъ; а ночи покою. Завтре узнаете вы спрашнаго сего Тимона; и конецъ Нининыхъ бѣдспвій, но теперь прощайте!

ВЕЧЕРЪ У КАМИНА.

Продолженіе.

Вечеръ у Камина.

Продолженіе.

Нина была дочь нѣкоего иностраннаго купца. Воспитаніе ея было небрежено; но сердце образованное одною природою не могло быть лучшимъ ни даже при самомъ рачительномъ надзорѣ образовашелей. Непорочность и правота составляли главнѣйшія его свойства. Къ несчастію, симъ двумъ добродѣтелямъ провивуполагало оно чувствительность, робость и чрезмѣрную ко всему довѣренность: слабости, — кои, при самомалѣйшемъ оборотѣ судьбы изрываютъ глубокія на

пуши жизни пропастии, и быстро ведуть къ погибели. Нина доказала то на себѣ. Ежечасно была она игралицемъ собственаго ослѣпленія, и сдѣлалась наконецъ жертвою не имовѣрной страсти. Изобиліе, въ которомъ она жила, не взирая на скудный торгъ своихъ родителей доставляло ей слишкомъ много празднаго времени на то, что бы предастья своимъ мечтамъ; а горячность къ ней всего ея семейства и предпочтительныя ласки знакомыхъ разслабля сердце ея, наполняли его излишнею нѣжностію ко всему, что хотя единожды впечатлевалось въ немъ.

Случай познакомиль съ ней Тимона, и всѣ господствующія надъ душою ея склонности умолкли: одна пламенная, безпримѣрная страсть овладѣла ею совершенно. Ни о чемъ не думала она кромѣ одного Тимона; ничего, кромѣ его не желала видѣть; хотѣла или принадлежать ему, или умереть. Тимонъ далъ ей клятву въ вѣчной

любви, и блаженство ея сдѣлалось неизъяснимо.

Но что есть прочнаго подь солнцемъ! она должна была разлучиться съ Тимономъ. Она должна была послѣдовать за родителами своими въ одинъ пограничный городъ, куда на нѣкошорое время опзывала ихъ выгода шорговли. Прошло полгода, и вдругъ Нина получаетъ слѣдующее отъ Тимона письмо:

„Нина! Власшлюбивый опецъ на-
 „значаешь мнѣ супругу и пребуешь
 „безпрекословнаго повиновенія. Сердце
 „мое опвергаетъ выборъ, въ кошоромъ
 „оно не участвовало. Я гнушаюсь цѣ-
 „пями, возлагаемыми на свободу коры-
 „сплюбіемъ, или деспотизмомъ, и
 „приму ихъ радосшно шолько отъ од-
 „ной себя. Есть ли любовь швоя ко
 „мнѣ не начинаешь погасать, Нина!
 „спаси друга своего отъ неизбѣжной
 „погибели! оставь тайно своихъ ро-
 „дителей, приѣзжай въ М. * * Здѣсь,
 „получа у Престола Божія названіе

„своего супруга признаюсь я во всем
 „моему отцу и укрочу необходимостью
 „свирѣпое его властолюбіе. Намъ до-
 „роги минушы. Нина! лепи комѣ на
 „крыліяхъ любви и помни, что малѣй-
 „шее твое замедленіе поставишь вѣч-
 „ную между нами преграду.“—

Трудно было бы мнѣ дать, хотя
 близкое понятіе о томъ, что чувствово-
 вала Нина по прочтеніи сего письма.
 Въ душѣ ея возспалъ Хаосъ; слабый
 разумъ по засыпалъ, по пробуж-
 дался; вопли сердца не умолкали; но
 святая должность дѣтской привязан-
 ности заглушала ихъ по временамъ.

„Нѣтъ, безбожный Тимонъ! нѣтъ
 „вскричала она наконецъ! Покорная
 „обязанностямъ своимъ Нина, не при-
 „метъ развратнаго твоего предложе-
 „нія! Не побѣжишь отъ нѣжныхъ сво-
 „ихъ родителей! Не посрамишь мас-
 „шиной старости ихъ! Не заплашишь
 „имъ горестию и поношеніемъ за го-
 „рячую ихъ къ ней любовь! Не пора-
 „зишь сердца ихъ примѣрною небла-

„годарностію!—Нѣтъ! Слѣдуй, влекущей
 „тебя судьбѣ! Повтори предъ престоломъ
 „Всевиद्याщаго вѣроломную кляпву,
 „кошорую беззаконныя успа твои
 „слагали нѣкогда для другой! Клянись
 „ей а я останусь навсегда при взо-
 „рахъ родителей моихъ, есть ли не
 „паду подъ игомъ разразившихся надъ
 „главой моей напасшей!“

„Какъ! Нина, робкая, взросшая въ
 „благочестіи оставишь добродушнаго
 „своего отца; бросишь дряхлую, боль-
 „ную мать! — За чѣмъ? — Что бы упо-
 „пать въ счастіи; что бы предаться
 „супругу, кошорый дороже ей цѣлаго
 „міра; что бы соединя на вѣки свою
 „съ нимъ судьбу превзойши благоден-
 „ствіемъ всѣхъ смертныхъ, и что бы
 „погда, какъ упоенная любовію усы-
 „пить она виновную свою совѣсть,
 „немошная мать ея, сраженная незап-
 „ною напасшію испустила послѣдній
 „вдохъ, осыпая праведными прок-
 „лятіями неблагодарную свою дочь!
 „Нѣтъ, Тимонъ! нѣтъ, — никогда не

„дерзну я на столь свирѣпый посту-
 „покъ! Вся природа моя содрогается
 „при единомъ о немъ помышленіи.“—

Ипакъ Нина возпоржесшвовала
 надъ своею спрашюю. Она швердо
 рѣшилась опшвергнушь предложеніе Ти-
 мона, пожершвовавъ собою благоден-
 ствію своихъ родителей. Она рѣши-
 лась оспашься при нихъ навсегда и
 ожидать спокойствія себѣ отъ одного
 лишь благошворительнаго пришествія
 смерти. На другой день швердая рѣ-
 шимость Нины поколебалась, на тре-
 тій Нина бѣжала изъ родительскаго
 дома!

Уходя оспавила она запечашанное
 и на имя родителей своихъ надписан-
 ное письмо, не для того, что бы по-
 слѣдовать въ семь примѣру романи-
 ческихъ героинь; но дабы не подашь
 повода, къ ложнымъ, о незапной оп-
 лучкѣ своей заключеніямъ. Письмо сіе
 состояло изъ шрехъ холодныхъ спрокъ,
 въ которыхъ сказано, что не могли
 безъ Тимона жить бѣжить послѣдовать

за нимъ на край свѣша. Такъ поступающая она сдѣлала новое сердцу своему поражение; но полнымъ изліяніемъ своихъ чувствованій боялась смягчить ихъ, и чрезъ то нанесши сугубый имъ ударъ.

Прибывъ въ М * * Нина взвѣхала похаенно въ домъ Адольфа, бывшаго повѣреннымъ всѣхъ ея шаинъ. Онь него узнала она, что дѣла Тимона взяли другой видъ; что смерть похитила у него ошца; что онъ сдѣлался полнымъ власпелиномъ собспвенныхъ поступковъ и несмѣшнаго имущества; что скорбь о потерѣ даровавшаго ему жизнь понудила его на нѣкоторое время удалиться въ деревню Агафона, съ которымъ дружество его день ошодня возрасшало.

Хотя всѣ сіи извѣстія, выключая одного только временнаго Тимоннова ошсущствія обѣщали Нинѣ счастливую перемену ея судьбы; но сердце ея сдѣлалось еще прежняго безпокойнѣе. Адольфъ взялъ на себя

ѣхашь къ Тимону съ ея письмомъ. Она заклинала умолять его, — сказать ему, что нѣсколько часовъ замедленія сведуть ее въ мрачное жилище смерти; что одно только присутствіе его можешь утишить бурю, свирѣпствующую въ ея душѣ.

„Бѣглянка, пресупница, безъ по-
 „кровишельства, безъ ближнихъ, нахо-
 „дясь понаебно въ домѣ неженатаго“ —
 писала она къ Тимону — „чего не дол-
 „жна спрашиваться дѣвица, приобык-
 „шая полагаться на попечительный
 „надзоръ нѣжныхъ, нынѣ безчеловѣчно
 „брошенныхъ ею родителей! Любовь
 „къ тебѣ усыпила на время въ сердцѣ
 „моемъ всякое чуждое ей ощущеніе.
 „Но совѣсть пробуждается. Тимонъ!
 „вопли ея не дають мнѣ покоя! Стыдъ
 „и поношеніе слѣдуютъ за мной по
 „пятамъ. Они видимы на челѣ моемъ;
 „а неодолимый страхъ и внутреннія
 „укоризны оспариваютъ даже и свое
 „надомной владычество. Спѣши про-
 „гнать неумолимыхъ сихъ чудовищъ!

„Лепи ко мнѣ на шѣхъ же самыхъ кры-
 „ліяхъ любви, которые принесли меня
 „изъ недръ родипельскаго дома въ
 „страну чужеземныхъ! Съ побою не
 „буду знать я ни страха, ни стыда, ни
 „раскаянія. При шебѣ нѣтъ зла въ
 „семь, обильномъ напасями мірѣ. Ты
 „благо мое, — шы моя радость, — моя
 „вселенная. Тимонъ! одинъ швей взглядъ
 „имѣеть силу обращать горести въ
 „блаженство, униженіе въ славу; а не-
 „одолимый страхъ въ непрерывное
 „спокойствіе.“

Такъ изъяснялось помѣшанное лю-
 бовію воображеніе! Сердце заблуждало
 его! Разсудокъ погашаетъ свѣспильникъ
 свой каждый разъ, когда сердце начи-
 наетъ предписывать законы. Поп-
 щимся не знать ихъ! Попщимся не
 знать предметовъ, служащихъ имъ
 столь мощнымъ и необоримымъ осно-
 ваніемъ!

Адольфъ не могъ ранѣ свершить
 своего посольства, какъ по истеченіи
 цѣлыхъ, продолжипельныхъ для нешер-

пѣливаго ожиданія супокъ. Нина между шѣмъ заключилась въ самую удаленную комнапу его дома. Спрахъ, надежда, горесъ и любовь занимали по перемѣнно первыя часы ея одиночества.— То представляла она себѣ шоржественный свой съ Тимѡномъ бракъ, снисканное безъ труда прощеніе нѣжныхъ родителей, ихъ и свои возшорги, блаженство принадлежать Тимѡну и обладать его сердцемъ; шо слышала вопли и смяшеніе въ домѣ сихъ добрыхъ родителей, грозно гремящія въ ихъ устахъ на непокорную дочь проклятія, тоску и изнеможеніе убишой незапною скорбію мапери, Тимѡнову любовь, кошорая для существованія ея необходимѣ всего на свѣпѣ и кошорой произвольно принесла она въ жерпву всѣ священные и любезные сердцу своему обязанности.

Насшупилъ вечеръ,—Нина не приняла никакой, приносимой ей служителями дома пици; не выходила изъ уединенной своей горницы; не ложилаь

въ постель въ продолженіи всей ночи: заперла дверь и пребыла до самаго разсвѣта съ усуремленными неподвижно на окно глазами и со впереннымъ ко всякому, самомалѣйшему шороху слухомъ.

Чѣмъ болѣе прошекало часовъ, тѣмъ нешерпѣливѣе спановилось ея ожиданіе, тѣмъ быспрѣе возрастала спрахъ и умножалось безпокойство. То слышишся ей имя ея повшореннымъ на улицѣ, то видюшся люди, которые усуремляютъ на нее внимательные, полные подозрѣнія взоры, и указываютъ перспами, то чудишся будто шепчуть за дверью: „здѣсь, „здѣсь она! вопъ бѣглянка, — возмите „ее!“ — Гдѣ сокрышся! О, должность! только въ одномъ исполненіи священныхъ твоихъ обязанностей можемъ мы вкушать сладостную безпечность, даже и тогда, какъ пламенные перуны со всѣхъ сторонъ посыплются на главу нашу! Но оставимъ на время перзаемую различными без-

покойствами Нину и войдемъ съ Адольфомъ въ комнапу Тимона.

Прочестъ письмо и рѣшился ѣхать было для него дѣйствіе первой минуты; какое-то мрачное сомнѣніе впрочемъ; а совѣтъ съ Агапономъ прешій. Умирающій мой отецъ, говорилъ онъ Агапону далъ мнѣ на волю выборъ супруги; но испуская послѣднее дыханіе не преславаль умолять меня отречься Нины, съ коюрой бракъ находилъ совершенно неравнымъ. Хотя доводы его кажутся мнѣ весьма слабы и почерпнушы вѣ природы; но не знаю, что-то заставляешъ меня колебаться .. „Нѣтъ „другъ мой!“—Перехватилъ Агапонъ — „нѣтъ! они не слабы, сіи обдуманые и „созрѣвшіе посреди опытовъ доводы! „Отецъ швой говорилъ непреложную „испину. Сынъ извѣстнаго заслугами „и знаменишосшію вельможи, един- „ственный наслѣдникъ несмѣтнаго его „богатства, преемникъ его славы; тошъ, „на коюраго ушремлены взоры не „шокмо отборнаго дворянства наше-

„го, но даже и самого двора; пошь, на
 „котораго Государство возлагаетъ
 „лучшныя свои надежды; отъ котора-
 „го ожидается высокыхъ, роду его при-
 „личныхъ подвиговъ; пошь слѣдуя же-
 „но подобному духу своему предаспя
 „слѣпой, ни чемъ не могущей оправ-
 „даться спроси и изберешь въ су-
 „пруги себѣ мѣщанку, дочь наемника,
 „еще споль недавно за деньги рабо-
 „тающаго прихопямъ швоего опца и
 „швоихъ ближнихъ! И какуюжь мѣщан-
 „ку! безъ воспитанія, безъ правилъ,
 „безъ добродѣтели, постыдно бѣжав-
 „щую изъ родительскаго дома по пер-
 „вому приглашенію влюбленнаго юно-
 „ши. Увѣренъ ли ты, мой другъ, что
 „съ меньшею постыжностію согласи-
 „лась бы она послѣдовать другому,
 „спольже нѣжно призывающему ее
 „гласу? Можешь ли ты положишься,
 „что не рожденіе швое, что не выго-
 „ды, не почести, связанные съ име-
 „немъ швоей супруги споль сильно
 „привлекають ее къ тебѣ? Но естли

„бы все сіи вопросы и не имѣли здѣсь
 „мѣста, по смѣешь ли ты ласкаться
 „вкушать счастье и доставивъ его
 „милой твоей половинѣ тогда, какъ
 „негодование родственныхниковъ и явное
 „неуваженіе знакомыхъ будешь ежеми-
 „нушно оскорблять нѣжную ея чув-
 „ствительность и оправлять вашу
 „жизнь? Когда каждое ея слово, каж-
 „дый ея шагъ привлечетъ коварную
 „улыбку вашихъ собесѣдниковъ! Когда
 „ядовитые взгляды праздныхъ ста-
 „нутъ бросать въ тебя острия стрѣ-
 „лы насмѣшекъ? — Когда начнешь при-
 „себѣ считать цѣхи мастеровыхъ? —
 „Упоменная временемъ и изгнанная
 „частыми негодованиями любовь усну-
 „тишь мѣсто свое разномыслию, сва-
 „рамъ и язвительнымъ събоихъ сто-
 „ронъ упрекамъ. Чужою станешь въ
 „сѣ время дѣлать ваши дѣши, — по
 „ощѣ вельможи, — по матери мѣща-
 „нѣ! — Они станешь презирать пос-
 „лѣднюю, или вооружатся противъ
 „перваго. Я не препятствовалъ те-

„бѣ вызывашь Нину когда власполю-
 „бѣе строгаго ошца заставляло тебя
 „соединишь жребій свой съ женщиною,
 „къ которой имѣль ты непреодоли-
 „мое отвращеніе, ибо самъ разсудокъ
 „предписываетъ изъ двухъ золь избѣ-
 „рашь меньшее: но шеперь ты сво-
 „бодень.“ —

Тимонъ не могъ безъ негодованія
 слушашь обидныхъ, на счетъ Нининой
 добродѣтели подозрѣній своего друга.
 Онъ всячески старался ее защишишь,
 поставляя одну горячую, безкорысп-
 ную любовь въ оправданіе ея поступ-
 ка. — „Любовь комнѣ“—говорилъ онъ—
 „завлекла ее споль далеко! Она при-
 „вела у нее въ забвеніе всѣ обязан-
 „ности. Будули я споль безчеловѣчень,
 „чшобъ плашишь за поликія жертвы
 „неосновательными догадками, — ум-
 „спованіями, — вопіющею несправедли-
 „воспю! Нѣшь, мой другъ! нѣшь,
 „сердце Нины непорочно! Топъ будешъ
 „безбожный клеветникъ, кто осмѣ-
 „лишся додозрѣвашь его.“—Такъ гово-

рилъ справедливый Тимонъ; но между шѣмъ согласился, что неравенство брака есть первое зло сѣмейства, причина раздоровъ, и несчастія супруговъ; что приличіе во всѣхъ случаяхъ есть первая связь Гражданскихъ обществъ; что сынъ вельможи долженъ принадлежать государству, а не своимъ спрашьямъ,—и что наконецъ, обязанъ онъ сдѣлать насиліе сердцу и отречься Нины, дабы послѣдовать предопредѣленію своей судьбы. Само благоразуміе послѣ приговора сего, запрещало ему видѣть Нину. Да и что могъ онъ ей сказать! *Я тебя отвергаю. Ты меня недостойна. Ты не можешь ласкаться быть моею. Ты должна меня изтребить изъ своей памяти.* Всѣ сіи слова послужили бы къ тому, что бы сильнѣе поразили несчастную и обратились бы сполькими же на грудь ея кинжалами, сколько соспавляли для слуха звуковъ. И такъ Тимонъ, намѣреваясь пожертвовать Нинѣ частію своего богатства писалъ

къ ней, что приличіе, значность рожденія, и обязанности сѣмейственныхъ связей запрещаютъ ему вступить въ неравный бракъ, дабы спасти чрезъ то дражайшую ему отъ предстоящихъ оскорбленій, и дабы не похипить у ней покоя, копорымъ можетъ она еще наслаждаться возвращаясь въ недра своего сѣмейства, будучи свободною и не связывая себя, *на перекоръ судьбы* неразрывными узами съ человекомъ, копорой сошворень не для нее.

Прошекли 30 мучительныхъ для Нины часовъ. У дверей ея комнаты послышался тихій шорохъ и споль же тихій голосъ: *Нина отприте!* Она бросается. Руки и ноги ея дрожатъ,—сердце бьется съ такою силою, что въ одно мгновеніе чувствуетъ она его въ различныхъ, груди своей мѣстахъ. Входитъ Адольфъ. Мрачный его видъ, опущенные къ землѣ глаза и прищворная на дрожащихъ устахъ улыбка не предвѣщали ничего добраго.

Нина хочеть говорить; но пораженная незапнымъ ужасомъ шеряеть голосъ: движеть языкомъ, — и думая, что соспавляеть звуки: молчитъ. Жизнь оцѣпенѣла въ ней. Разстроганный жалоспю Адольфъ беретъ всѣ возможные предосторожности, и предваря ея нескладнымъ, большее опчаяніе возродитъ удобнымъ совѣпомъ, подаеть ей Тимоново письмо. Нина читаетъ его, но не въ силахъ ничего разумѣть: толико-то былъ помѣшанъ ея разумъ! Ни одна способность души не дѣйствовала въ ней, исчезло всякое соображеніе мыслей; не можеть видѣть, не умѣеть понимать; перечитываетъ, — и повторяя чтеніе сіе нѣсколько разъ усмаприваетъ наконецъ слова: *призови разсудокъ Нина, мы не сотворены одинъ для другаго!* Не сотворены! произнесла она, какъ бы равнодушно. — Не сотворены . . .
Спрашный, опчаянный смѣхъ заключилъ рѣчь ея.

Три дни провела Нина безъ пищи, безъ словъ, не выроня единой слезы, и не испустя единого вздоха.

Адольфъ увѣдомилъ Эмилию о уходѣ и несчастіи ея сестры. Съѣхались всѣ ближнія. О, спыдь! Но подивилась, Нина его не вѣдала. Нина смотрѣла на всѣхъ холодными, ослобѣнѣлыми глазами, и самое даже присутствіе немогущей ея матери несильно было бы поколебать ужаснаго ея равнодушія. Если бы все, бывшее нѣкогда драгоценнымъ сердцу ея, выключая Тимона, все, — даже и сама она погибали вмѣстѣ съ возпламененной вселенной, душа ея и тогда не могла бы вышши изъ своего окаменѣнія: и жалость, и страхъ были изгнаны изъ нее поперею Тимона.

Эмилиа хотѣла взять ее къ себѣ; но она оказала болѣе желанія переѣхать къ Клермону, ошъ котораго ласкалась изходатайствовать позволеніе быть всегда одной какъ для того, что не могла видѣть образа человѣческаго,

такъ и для того, что имѣла безуміе непрестанно думать о неблагодарномъ и свирѣпомъ Тимонѣ. Собственныя, по знаменитымъ торгамъ дѣла, призывали Клермона въ Америку. Онъ предложилъ Нинѣ свезти ее къ ея родителямъ и бытъ у нихъ за нее ходатаемъ. Нина вѣдала всю власть свою надъ сими нѣжными родителями, не сомнѣвалась въ ихъ прощеніи; но считая себя недостойною имени дочери, и чувствуя, что вкоренившійся въ сердце ея Тимонъ владѣеть имъ безъ всякаго раздѣла не смѣла новою неблагодарностію плашить имъ за вновь разпочаемыя ей ласки ихъ. Она поѣхала съ Клермономъ въ Америку. Тамъ проживъ годъ принуждена была съ нимъ же возвратиться въ М. ** гдѣ провидѣнію угодно было, по крашкѣмъ вновь испытаніи положить конецъ всѣмъ ея бѣдамъ!

Нина пала подъ бременемъ гнѣшущихъ ея напастей. Безпрестанная шоска, сильныя движенія души и не-

преодолимое опвращеніе отъ свѣта разстроили весь тѣлесный ея составъ. Едва разцвѣпши увядала она съ каждой минутой. Медлѣнная смерть пожирала ее; а послѣднее свиданіе съ Тимѡномъ довершило ударъ гошовый уже разразипсья.

Возвращаясь къ Клермону, послѣ встрѣпившихся въ саду произшествій Нина впала въ горячку. Тимѡнъ, котораго она безпрестанно призывала въ своемъ безпам'пствѣ, не могъ отказать несчастной въ послушаніи, еспьли не спасительномъ, по по крайней мѣрѣ отрадномъ: онъ былъ при ней во время ея болѣзни. Одинъ звукъ голоса его имѣлъ силу возвратипсь ей и память и разумъ, но онъ не имѣлъ силы согрѣпсь хладныхъ обьяпій смерти. Нина умерла, благословляя минушу, приближавшую ее къ покою и радуясь примиренію своему съ Тимѡномъ. „ Тамъ “ — сказала она ему, — безъ робости сжимая его руку — „ тамъ, за предѣлами жизни, — не знаютъ ни любви, ни разлуки.

„Тамъ нѣтъ ни вельможъ, ни мѣщани-
на. Священный миръ и непрерывная
„пищина дружелюбно покоятъ спящихъ
„въ могилѣ!“ Нина умерла счастливѣе
нежели какъ жила. Но сколько поучи-
тельныхъ примѣровъ оставила ея
смерть! Слѣпое порабощеніе спрасти
было наказано двугодичнымъ спрада-
ніемъ, слѣпая довѣренность къ чадамъ,—
лишеніемъ любимой дочери.

К О Н Е Ц Ъ.

ПОГРѢШНОСТИ:

Слр.	Слроки.	Напечатано.	Читай.
4.	снизу 2.	сосѣдамъ	сосѣдамъ
7.	15.	кольцы,	кольца.
8.	снизу 6.	убогій—всегда	убогій всегда
9.	12.	о спасеніи,	о спасеніи
10.	15.	бдишельность	бдишельность
12.	4.	Царей,	царей.
15.	снизу 5.	мечъ,	мечъ,
18.	5.	крайность	крайность,
19.	1.	смершь	смершь,
23.	снизу 4.	соземцовъ,	соземцевъ,
27.	снизу 4.	Лаконіи!“ —	Лаконіи?“ —
32.	12.	мечъ	мечъ
34.	2.	ко врашамъ,	ко врашамъ
—	13.	жизнь	жизнь.
35.	14.	мечъ	мечъ
36.	снизу 5.	„продолжаешь Агезилай идите	продолжаешь Агезилай, — „идите
—	снизу 2.	Мечъ	Мечъ,
—	—	Мечъ	Мечъ!
39.	14.	произнеси	произнеси
40.	снизу 2.	спарець „слав- на	спарець— „славна
43.	6.	„царя! возгласи- сила она“ —	царя!“—возгла- сила она—
45.	снизу 1.	изъ полимар- ховъ	изъ полимар- ховъ,
48.	снизу 1.	въ юной	въ юный

Стр.	Строки.	Напечатано.	Читай.
65.	6.	опъ меленькой	опъ маленькой
69.	снизу 6.	была справедли- ва;	была справед- лива;
80.	5.	заними,	за ними,
—	снизу 9.	час а	часа.
87.	3.	спроюшся	спрояшся
90.	снизу 1.	поѣдимъ	поѣдемъ
91.	15.	покомъ	по комъ
—	снизу 5.	комнѣ	ко мнѣ
93,	4.	„Ахъ вопъ	„Ахъ, вопъ
105.	2.	видѣтели	видите ли
112.	5.	не имовѣрной	неимовѣрной
113.	снизу 1.	у Преспола	у преспола
114.	4.	комнѣ	ко мнѣ
118.	5.	присудшвіе	присупшшвіе
120.	снизу 6.	священные и любезные	священныя и любезныя
129.	9.	присудшвіе	присупшшвіе

Un poco largo.?

CHANT

Ког-да все преда-но покою, средь мраковъ, въ тишинѣ но-

PIANO

щной од-на, сраженна я судьбо-ю помлю-ся въ го-рес-ти я злой, по-

млю-ся въ горести я злой .

dal segno

Муз. Т. Плева.

www.books2ebooks.eu